

Принцессы Огненного мира

Автор:

Яна Алексеева

Принцессы Огненного мира

Яна Алексеева

Колесо их судьбы резко повернулось. Теперь они не более чем заложницы мира и стабильности обескровленных войной государств, расплата за проигранные сражения. Они исполнят свой долг и отправятся к бывшим врагам. Но что ни делается – все к лучшему. Пройдя разными, порой опасными дорогами, они обретут нечто более ценное, чем прозябание в шикарных дворцах. Счастье, любовь, дело. Ну а эльфы, орки, драконы и прочие обитатели Огненного мира стали свидетелями возрождения.

Яна Алексеева

Принцессы Огненного мира

Пролог

ЛЕГЕНДА ТВОРЕНИЯ

Создатель...

Никто не знает, откуда Он пришел. Никто не расскажет, куда и когда Он удалился.

Он творил миры. Разные, непохожие друг на друга, удивительные, прекрасные, страшные. Наделял их жизнью, направлял судьбу и отпускал на волю.

И среди сотворенных Им бусин было четыре мира, созданных специально для Стихий, которые Он наделил разумом. Для помощников и соратников, долго разделявших Его бесконечный путь, но пожелавших наконец обрести пристанище, дом.

Огонь, Вода, Земля, Воздух...

Каждой из Стихий была дана сила. И волею Создателя каждая из них наполнила таинственный мир жизнью по своему разумению. По образу и подобию тех, что создавались их учителем.

И связали, оплели они миры неразрываемой нитью, по которой могли путешествовать, навещая друг друга не сущностью, но мыслью.

И простились с Создателем, продолжившим свой путь.

И приняли божественную сущность, сливаясь с новым домом в единое целое.

Шли года, века, тысячелетия. Миры менялись, не всегда по воле своих хозяев. Появлялись новые народы, расы, сущности. Добро и зло, свет и тьма соперничали в вечных поисках равновесия, за которым пристально следили Стихии.

Но хозяева оказались не вечны, один за другим окончательно сливаясь с мирами, теряя былое могущество, оставляя после себя лишь тени и отблески силы.

Драконов Стихий.

И сеть, оплетающую миры.

И однажды равновесие было нарушено. Некому оказалось одернуть новых, заигравшихся богов. Сошлись в поединке слабый и сильный, правый и виноватый. И не помогла слабому истина, не помогла ему и сила, порожденная чистой энергией, не помогли сильнеешие из потомков прежних богов.

Зло и жадность, смерть и предательство воцарились там, где раньше следила за порядком Вода.

Отблеск могущества – это не само могущество. И драконы не смогли остановить заразу. Лишь задержали. И погибли, только ослабив то, что тянуло в иные пространства щупальца смерти.

Один за другим пали три мира.

Драконы Земли сумели уйти, уведя за собой малую толику жителей.

Драконы Воздуха дали решительный бой, превратив собственный мир в безжизненную пустыню.

И остался последний мир.

Огненный.

Глава 1

ЗАМКНУТЬ ТРИУМ

Мелита Реисса, старшая дочь герцога Исса-Мерон

– Не поеду я к Полукровкам! Даже не надейтесь, что соглашусь! – заявила я решительно.

Отец поднялся на ноги, красный от гнева.

– Да кто тебя спрашивать будет, девчонка?! Это приказ!

А вот с этого и следовало начинать!

– Вы не указ мне, герцог!

– Да как ты смеешь! – Он в ярости размахнулся и влепил мне такую пощечину, что я очутилась на полу, пересчитывая звездочки, пляшущие в глазах.
Ненавижу!

– Уведите! Из комнаты не выпускать, на неделю на хлеб и воду! – последовал четкий приказ.

Я не сопротивлялась, когда ухмыляющиеся стражники подхватили меня под руки и поволокли (а что бы вы сделали против двух амбалов в кирасах?) по мрачным коридорам в самое дальнее и заброшенное крыло дворца.

А вот и мои покои.

Бесцеремонно зашвырнув внутрь и прошуршав засовом, кирасиры удалились. Все как приказано. Как же я ненавижу свое бесправное положение!

Так, ужин мне не светит, ну да не привыкать. Встала с пола, потирая горящую щеку и тяжело вздыхая.

А ведь день так хорошо начинался. Первый по-настоящему теплый день в новом году. Солнце, легкий ветер, душистый аромат цветущих садов. Я весь день просидела на крыше сторожевой башни, подставив лицо небу. А вечером узнала, что меня отдадут Полукровкам – эрреани.[1 - Эрреани – в переводе с древнейшего наречия – живущие во многих мирах, сильнейшие из полубогов. Так что Полукровки – не более чем неприязненная кличка, а никак не обозначение происхождения. – Здесь и далее примеч. авт.]

И это приказ.

Ха, остальных просто пожалели.

Ну я, пожалуй, объясню.

Этой весной окончилась долгая война. Десять лет, целых десять лет землю терзали бессмысленные схватки. Наш король одобрил коалиционный договор с пятью другими человеческими государствами, главы которых желали уничтожить всех, кто отличался от людей, и захватить их жизненное пространство. Но он проиграл. Мы проиграли! Ведь за нелюдь вступились эрреани. Прирожденные воины, могучие маги, безжалостные убийцы, справедливейшие судьи.

Они не проиграли ни одной битвы за пять лет. А у нас просто кончились силы, люди, оружие, деньги. Королевства были обескровлены.

Как водится, на переговорах был определен выкуп, который надлежало уплатить проигравшим. Повелители нелюдей потребовали женщин. Точнее, девушек королевского рода, достигших совершеннолетия. Зачем им понадобились такие заложницы? Хотя иного, видя бедственное наше положение, победители в этом году не потребовали. Впрочем, контрибуции тоже назначили. Они должны будут выплачиваться в течение десяти последующих лет, а то и дольше. Деньгами, товарами, услугами... Нашими судьбами решили просто скрепить мирный договор.

Вообще-то рукоприкладство отца можно понять, но не простить, нет... И ярость, и ненависть его объясняются бессилием, невозможностью что-то изменить. Герцога, судя по всему, припер к стенке кузен – король.

Именно нашему королевству выпал самый тяжкий жребий – послать к нелюдям аж двух принцесс. Добровольно собственное дитя к эрреани никто не отправит, да...

Как же отец, должно быть, радовался, что его любимые дочки не достигли совершеннолетия. Но тут старшая, то есть я, начала выказывать характер, да еще при слугах. И вот закономерный результат. Наказание то есть. Вполне привычное, но по-прежнему обидное. Ненавижу!

Ну почему именно я должна куда-то ехать?! Не скажу, чтобы мне нравилось быть приживалкой в собственном доме, но здесь я родилась.

Король рассудил так: его собственная дочь слишком мала, о радость, вот пусть и отправляется к темным эльфам сумасбродная племянница. Ничего личного, суровая необходимость.

Очень точно кто-то рассчитал. У прочих королей тоже не густо с родственниками, только у дривленского короля две сестры-близняшки. Всего восемь девушек королевской крови. Получается по одной-две девицы от королевства, вот и выходит каждому союзному племени по заложнице. Эльфам темным и светлым, степным оркам и дриадам, вампирам, оборотням, хазид-хи и эрреани. Младшие расы, к счастью, на нас не претендовали. Им хватило пленных, которые занимаются восстановлением разрушенных городов. Гномы, айхэ, радении... всех не перечесать.

Я печально вздохнула.

Уверена, что у эльфов или даже вампиров мне жилось бы лучше, чем дома. Ну а про Полукровок просто ничего не известно. Только слухи ходят, порой жуткие.

Но что толку переживать, все решено.

Я уселась на пол, скрестив ноги. Ненужная, нелюбимая дочь. Плод единственной ночи двух молодых людей, чьи судьбы были соединены силой того, кто не подумал о последствиях. Осиротевшая еще до рождения. Законная, признанная, никому не нужная ошибка. Чья? Вероятно, старого короля.

Стало холодно, из открытого окна потянуло сквозняком. Оглядевшись, я пересела на стул. Жалкое, однако, зрелище. Хотя предпочитаю слово «аскетичное». Голые каменные стены, холодный каменный пол. Кровать под пыльным, изъеденным молью балдахин, застеленная шкурами. Изящный, но очень старый стол, пара стульев и скамья, большой полупустой шкаф. Меня переселили сюда после одного скандала. В зеркале напротив отразилась фигура. Росточку среднего, худая и бледная. Волосы жесткие и густые, черные, как и почти сросшиеся на переносице брови. На щеке наливается багровый синяк. Глубоко посаженные серые глаза, нос с горбинкой. Упрямый подбородок и полные губы красивой чувственной формы. Похожа на отца, увы.

Что же, мы вам еще покажем, кивнула я отражению. Эрреани я однозначно не завидую.

Дней пять из меня пытались сделать леди. Хотя бы внешне. Процесс этот не доставлял удовольствия ни мне, ни фрейлинам. Но они честно гундосили у меня над ухом правила поведения в обществе (не задумываясь о том, что у Полукровок вряд ли действует человеческий этикет) и упорно сражались с черной гривой, делали маникюр, отбеливали и умащивали ароматными маслами кожу. Я с интересом ожидала результата. То, во что меня превратили перед отъездом, не впечатлило, если честно. Похоже на деревянную раскрашенную куклу. В конце концов меня запаковали в платье для верховой езды и отправили как была.

И вот мы – около десятка разряженных девиц, верхом и с приданным – торчим посреди леса на зеленой полянке. Это новая, зачарованная Граница между людьми и иными расами. Сопровождение тактично удалилось. Теперь нас тут хоть сожри кто, не вернутся! По кое-кому уже траур дома справили. Но мы держимся с достоинством, честно, открыто никто не рыдает.

Я неловко чувствую себя в дамском седле, опыта маловато. Как и в элегантном ношении ошеломительно шикарного платья, затейливой бархатной шляпки и всего того, что под это платье надето. Старательно удерживая равновесие, не могла думать ни о чем ином, кроме как о возможном падении. Кажется, этого я боюсь больше, чем Полукровок.

Между прочим, приданого для меня не пожалели, два тюка, да таких, что ноги у заводной лошадки чуть ли не подкашиваются! Как же, герцогская дочка замуж выходит. Надо марку держать! Ну по крайней мере собирали все эти мелочи именно из расчета, что таки выйду замуж. Лицемерные сволочи! Придворные в смысле. Раньше их моя одежда и подобающий вид не беспокоили.

Жарко... как же жарко. Даже на любопытство и страх не осталось никаких сил.

В душе – спокойное, отрешенное ожидание.

А погода стоит отличная, в небе ни облачка, высь голубая-преголубая, бездонная. Хочется нырнуть в нее и не возвращаться. Краем уха зацепляю тихий разговор, удивленно прислушиваюсь. Непринужденно сидящая в седле девушка, ослепительно красивая принцесса Альруны, говорит соседке:

– Говорю вам со всей уверенностью, эль-Сина, о замужестве ни слова не было!

– Как же так? – В голосе харрийки мне послышался страх.

– Не верите? Хотите чтобы я дословно процитировала?

Кареглазая смуглянка мрачно кивнула. Блестящие темно-каштановые волосы блеснули золотом. Она единственная среди нашей компании сидит в мужском седле с непокрытой головой. И охотничий костюм ей идет.

– «Восемь женщин, совершеннолетних, незамужних, бездетных, дабы скрепить союз. Им будет оказана честь быть принятыми в знатнейшие семьи наших родов». А про замужество мой отец додумал, чтобы успокоить остальных союзников.

Смуглянка только вздохнула. Правильно, вообще-то, она опасается! А при такой трактовке всякое может быть. Могут удочерить, а могут и съесть. Те же хазидхи. Так что радоваться нечему.

Легки на помине, черти рогатые. И это не фигура речи. У них действительно имеются небольшие изогнутые рожки надо лбом. Теперь я верю, что они создания Огненной стихии. Ярко-рыжие волосы, янтарно-красные глаза, идеальные пропорции лица и тела. Хотя их истинный облик куда как более впечатляющ. Золотые драконы, прекрасные, огромные крылатые рептилии. Абсолютно мирные и мудрые существа. Человечину, кстати, не едят.

Безошибочно найдя «свою» девушку, всадники на чешуйчатых лошадках окружили ее, сноровисто перегрузили вещи и быстро скрылись за деревьями. И все это – в мертвой напряженной тишине. Я даже затаила дыхание. Прощай, Селея! Ее породистые скакуны сиротливо остались на поляне.

И пошло-поехало.

Вампиры, очень бледные светлоглазые женщины, забрали настороженную смуглянку Сину. Мужчины, наверное, уж больно страшны, потому и не появились. Вряд ли от такой заботы харрийская принцесса их меньше бояться станет... Оборотни тигровой расцветки, по-моему, правящий клан, забрали красавицу Валью. Степные орки и дриады явились, как обычно, вместе. И забрали сразу двоих – близняшек Ольху и Березку. Не побрезговали они и оставшимися лошадьми, ибо альрунку тоже увели пешком. Степняки же – известные приватиры, терпеть не могут бесхозяйственность.

И нас осталось трое. Пока мы неуверенно переглядывались, явились и эльфы, бесшумно выступив из-за деревьев. Я немного разочаровалась. Что-то они не внушают уважения. Невысокие, хрупкие на вид, с длинными светлыми волосами, убранными в косы. Темные от светлых отличались только оттенком кожи. А вот лошадки у них да, хорошие.

Вежливым кивком распрощалась с кузиной Кошечкой и гордячкой Маженой. Спустя несколько мгновений и они растворились под сенью деревьев. Остались я да вытоптанная поляна. Поморщилась, чувствуя, как по спине сбегает струйка пота. Жарко, жарко... А таинственных эрреани все не видать. Воровато оглядевшись, я стянула с головы шляпку и нахлобучила на лошадь. Так гораздо лучше! Мне. Животное недовольно дернуло ушами и переступило с ноги на ногу. Перед глазами все поплыло...

Как-то вдруг мне стало страшно, невольно начали вспоминаться байки о Полукровках, рассказываемые ветеранами. Да, я подслушивала! И чего только не наслушалась: и безжалостные они в бою, и злобные уж очень твари, и маги могучие... Равнодушные... Точно о них ничего не известно! Мне подумалось, что о каннибализме Полукровок тоже ничего не известно, так что съедят меня вряд ли. Хотя... я нервно переплела пальцы... Может, просто некому было рассказать?

Ладно, хватить переживать, обратной дороги нет и не было никогда.

Вдруг из-за деревьев в наступившей неожиданно неестественной тишине выступили они. Как будто пришли первыми и выжидали, наблюдая за происходящим. Семеро одетых в свободные плащи-хамелеоны мужчин. Невысокие, с резкими, порывистыми движениями. Одновременно скинули глубокие капюшоны. Ощущая в голове гулкую пустоту, а в животе противное посасывание, я напряженно всматривалась в их одинаковые на первый взгляд лица. И постепенно начала понимать, почему их так прозвали. Полукровки, да.

Густые черные ороczyи волосы, треугольные широкоскулые эльфийские лица, тонкие губы и прозрачные с вертикальным зрачком глаза, прямая линия лба и носа, смуглая кожа. Почти отталкивающее, странное сочетание. Необычные, чужие лица. Очень спокойные и неподвижные. В торжественной тишине затаившего дыхание леса я с трудом сползла с лошади. Онемевшие ноги болели. Эрреани быстро, по-деловому рассредоточились по поляне, грамотно обезопасив меня от возможных неприятностей. От каких, интересно? Кто-то отвел лошадей подальше, а один подошел почти вплотную и склонился в поклоне.

– Приветствую! – Прекрасный глубоко модулированный голос будто окатил меня с головы до ног ледяной водой. Тело пробил озноб, а по спине промаршировали мурашки. Сил достало только на вежливый кивок. – Мое имя Клен. Я Ведущий вашего эскорта, эш-реани.[2 - Эш-реани – выбранный, избранный (с помощью какого-либо ритуала).]

Он придирчиво осмотрел меня с головы до ног, и, клянусь, на мгновение в спокойных глазах мелькнуло разочарование. Увы, я это я, не больше, но и не меньше.

– Мелита Реисса, младшая герцогиня Исса-Мерон, – прошептала я.

Почему его голос действует на меня так... оупляюще? Зачарованно гляжу в лицо эрреани, ноги слабеют, а по телу прокатывается жаркая волна. Погружаюсь в прозрачные глаза с внезапно расширившимися зрачками, и меня затягивает в вихрь ярких, сильных, изумительно ярких эмоций. Гнев и боль, радость и отчаяние... Водоворот затягивает меня все глубже, и на мгновение сознание наполняют надежда и горечь утраты. Внезапно вижу будто со стороны, как мое тело медленно оседает в траву. Всплеск недоумения. Чей? Инстинктивно тянусь назад, пытаюсь подняться...

Темнота.

Пришла в себя в тени деревьев, когда в рот вливалось что-то сладкое. Вокруг стояли обеспокоенные эрреани. Клен, озадаченно наклонившись, осторожно отпаивал меня каким-то соком из походной фляжки.

– Скажите, эш-реани, недельный пост является каким-то специальным ритуалом, связанным с переходом в другую семью?

– Конечно же нет, – ответила я чужим, хрипловатым голосом. – Помогите встать!

Всю предыдущую неделю я действительно питалась урывками, пользуясь добротой кухарки. Как и всю прошлую жизнь. А встав, более уверенно заявила:

– Это просто жара... – И удивленно уставилась на свои руки. От пальцев поддерживающего меня Клена по запястью расползлось приятное живительное и томное тепло. Эрреани быстро убрал руки. Жаль!

– Отправляемся! – энергично распорядился он, вставая в центр круга, составленного эскортом. Одной рукой он обнял меня за плечи, другой прихватил под узду лошадок. Миг странного напряжения, от которого по коже промчались мелкие мурашки, мгновение искреннего, панического страха... Я прикрыла глаза, окунаясь в холодную воронку перехода. И спустя три или четыре удара сердца, проведенных в Нигде и в Никогда, пришла в себя в вотчине эрреани, стоя посреди сумрачной лесной поляны. Голова кружилась... не от голода, нет. От надежных объятий Ведущего эскорта, вздымающих во мне не банальное желание, а что-то более глубокое, потаенное, ранее мне недоступное...

Наслаждение жизнью.

С корабля на бал – эти, оказывается, про меня! Прямо в этом пропотевшем платье мне пришлось отправляться на торжественный ужин в мою честь! В молчании я проследовала по узкой тенистой тропе за семеркой Полукровок. Подол то и дело цеплялся за ветви, а вежливая помощь Клена, то поддерживающего меня под ручку, то освобождающего ткань из цепких объятий кустов, раздражала все больше. А уж молчание, в котором все происходило... Ненормальный какой-то лес, неживой, тихий. Даже в нашем парке птицы поют. А здесь... Такое впечатление, что страшные эрреани всех выгнали... или съели!

Какое-то гнетущее у меня ощущение...

Шагов через сто я на миг замерла, созерцая монументальное серокаменное строение. И пошла дальше.

Меня встречали.

Ряд закутанных в темные плащи фигур расступился, пропуская меня в тяжелые двустворчатые двери. Эрреани эскорта отступили назад.

Менее всего я ожидала очутиться на приеме в лучших дворцовых традициях, да еще в главной роли! Но придется держать марку. Интересно, что еще меня ожидает? Неприятности?

Наверняка.

Слава всем богам, они ждали меня не на уличном пекле, а в мрачном прохладном замке странных изломанных пропорций, вид которых невозможно долго выносить, не повреждаясь в уме.

Церемонии... Я не знаток. Впрочем, Полукровка – тоже. И потому все дело свелось к торжественному представлению меня присутствующим и последующему знакомству. Клен торжественно называл имена, а мимо меня скользили серые безликие тени. Старейшины, советники... Три десятка призраков.

Впрочем, одного я запомнила.

Повелитель эрреани.

Когда этот черноволосый Полукровка, откинув капюшон, вежливо провел меня к столу и элегантно обозначил на протянутой ему руке поцелуй, по коже прокатилось волной холодное, искушающее дуновение. У него, единственного среди присутствующих, у виска выбивалась седая прядь.

– Рад приветствовать вас, эш-реани, в нашей долине! – со странной полуулыбкой произнес он. – Зовите меня Ливень.

В тон этого глубокого рокочущего голоса где-то внутри меня завибрировала туго натянутая струна. Во что я влипла?

Когда выяснилось, во что, поняла, что лучше б меня съели!

Но сейчас...

Сидя за длинным столом напротив Повелителя эрреани, я устало оглядывала пустое сумрачное помещение из холодного камня. Ни единого украшения, гобелена, изразца, даже узкие окна не застеклены. Потолок где-то на необозримой высоте. Мрачно, и чувствуется, что здесь не живут. Еле уловимый дух пыли и праха витал в зале. Старейшины из тех, кто сидел справа и слева, пытались развлечь меня разговорами. Было совершенно очевидно, что занятие это для них непривычное и даже, более того, неприятное. Как и для меня. Но одно уяснить удалось.

Не только на Ведущего эскорта, исчезнувшего из поля моего зрения, едва я села за стол, и Повелителя я реагирую столь странным образом. Сосед слева своими случайными прикосновениями вызывал почти непреодолимое желание смеяться, тот, что справа, обжигал яростью. А на вид они были совершенно одинаковые, все! Будто под копирку созданы.

Как их различать? По касанию? Может, и так... Надо найти другой способ.

Найду.

Но смогу ли я жить здесь?

Придется.

Где-то я читала, что увидеть истинный облик за личиной можно, если глянуть на человека искоса. Как бы сквозь, не сосредотачивая взгляд, а, наоборот, рассеивая. Это единственный способ, доступный мне, да и то пришлось дня два тренироваться. Потому что только кажется простым, а на самом деле с первого раза скорее заработаешь косоглазие, чем что-то рассмотришь.

Вообще-то смутное подозрение, что видимые мной лица – не истинный облик эрреани, возникло почти сразу. А уж когда я увидела абсолютно одинаковых совершенных женщин, отлитых по единой форме, меня обуяло любопытство.

В телесности этих существ я уже не сомневалась (еще бы, при каждом прикосновении чуть с ума не сходила), но их могущество наверняка имело материальное воплощение, мне не видимое. Что-то еще должно в них быть, просто обязательно! Какое-то отличие... принципиальное, и не только друг от друга, но и от остальных рас.

Все оказалось легко. У себя в долине, в полной безопасности и даже изоляции от внешнего мира, они не носили щитов. И если глянуть на эрреани искоса, можно было увидеть, нет, не иной облик, а как бы легкое марево, окружающее фигуру. Полупрозрачный широкий шлейф, слегка размывающий очертания идеальных тел. Сами они при этом прежнего человекообразного вида не теряли. То есть здесь и сейчас их облик был истинным. А странный ореол Силы, наверное, был отражением второй ипостаси. Или первой.

Наблюдая за чародействами и превращениями, я краем глаза замечала эволюции призрачной оболочки. Материализуя что-то, Полукровка отделял кусочек от себя и изменял его. Получалось, создавали из ничего нечто. Но такого не может быть! Если взять Силу и попробовать сделать из нее яблоко, ничего не получится. Из куска дерева, например, можно, или из камня (не задумываясь о вкусе, можно даже съесть)... Но из пустоты ничего не получится.

Мои хозяева могут создавать нечто из себя. Они – словно живая энергия, сконцентрированная в раз и навсегда заданной форме. И вот эта сила, покров, или оболочка, видимая мне – как ее ни назови, – она у всех разная. Разного размера, формы и цвета. Отражение, отблеск не поместившегося внутрь физического тела могущества.

Так что путать моих хозяев я больше не буду.

Очень интересно оказалось разглядывать их, назовем так, ауру. У Повелителя она по форме напоминает серую дождевую тучу, подвижную, текучую, клубящуюся, с огромными орлиными крыльями. Клен, Ведущий эскорта, неизменный спутник прогулок, ходячая энциклопедия, да просто нянька – золотисто-зеленая клякса непонятных очертаний. Та, что принимает меня в

своей башне, радушная хозяйка – запутанный клубок розовато-белой шерсти.

Их имена... Нет, те слова, которыми они обозначают свои личности, представляясь мне, странно соответствуют призрачным образам. Клен, Ливень, Луна... Ирис, Сон, Гроза, Шторм, Вербa, Сирень, Ива, Буря, Вихрь, Тина. Яркие индивидуальности, скрытые под скорлупой оболочек. Безумно интересно знакомиться с ними, но...

Что они видят во мне?

Никто не мешал мне изучать новое место жительства. Я не маг, не сбегу. Да не очень-то и хотелось. Здесь – лучше. Доброжелательное равнодушие, сдержанное любопытство и странная настороженность жителей так разительно отличались от неприязненного и пренебрежительного отношения ко мне моих родных, что я невольно прониклась дружескими чувствами к Полукровкам. Скажем, я сделала бы все, о чем меня попросили бы. В пределах скромных человеческих сил, разумеется.

Здесь отвечали на вопросы – если не словами, то хотя бы книгами и летописями.

Долина эрреани – занятное место. Начать с того, что она со всех сторон окружена отвесными скалами и иначе как по воздуху или телепортом попасть сюда невозможно. Для первого нужны крылья, для второго – Сила и ориентиры. Можно еще попробовать через наверняка существующие тайные проходы в скалах. Вряд ли я полезу в подземелья без карты. А насчет месторасположения могу только сказать, что это высокогорная долина, скрывающаяся среди хребтов и скал огромной горной гряды далеко на юге. Запрятались Полукровки здорово. И никакие войны их тут не потревожат, если только они сами не захотят.

Как до них новости долетают?

Сама равнина довольно большая, вытянутой овальной формы. Утром солнце появляется из расселины между белых Рассветных пиков, сторожащих один конец долины, а прячется, пройдя свой путь, за черной Закатной скалой. Настоящие названия гор звучат, конечно, более красиво: Шеа'Стин ут и Вэ'эс ут.

Без тренировки язык сломаешь. Дом этих странных существ носит название Шэа'Вэйн Ээрт. К сожалению, перевода мне так никто не сказал, а без словаря древнее наречие не разобрать.

Здесь принципиально не занимаются землей, ну то есть полей, огородов, ферм и прочего здесь просто нет. Есть леса разные, луга, поляны, прогалины, встречаются сады. Как они здесь живут? Очень обособленно! Это понятно. А что едят? Вопрос из вопросов! Они хищники, предпочитают мясо, причем полусырое, брр! Добывают его охотой, и не в самой долине, а в окружающих ее горах. Как только не извели всех животных за сотни лет изоляции? Впрочем, не так уж много им и надо... Откуда появляется моя еда, я уже говорила. И это меня пугало до дрожи. Есть нечто, что являлось частью живого разумного существа... Нет уж. На второй день я слезно просила Луну прекратить материализацию еды.

Невольно пришлось осваивать готовку.

А еще здесь есть башни. Семигранные, из тусклого серого камня, состоящие из двух, трех и более этажей. Есть огромный семибашенный комплекс, замок Повелителя, пустое, мрачное, пахнущее пылью сооружение посреди долины. То самое, с изломанными пропорциями, в большом зале которого меня потчевали ужином. Рядом с Закатным пиком стоят Врата, два черных толстых столба, покрытых защитными рунами. Они сравнимы высотой с самой скалой. Впрочем, это я видела только издали.

Пятиэтажная башня у ручья, впадающего в большое чистое озеро с зубодробительно холодной водой в полчасе ходьбы на восток от замка, – теперь и навсегда мой новый дом.

Сколько лет мне понадобится, чтобы привыкнуть к мысли, что я не вернусь к людям?

Лежа на широкой кровати без ножек, я грызла семечки и листала древние хроники. Пыль, поднимающаяся с пергаментных страниц, плясала в лучах солнца, падающих сквозь стеклянную крышу. Чихнув, я прищурилась и перевернула лист тяжелого фолианта. Немного обидно, что единственный фолиант, написанный доступным мне языком, оказался самым большим и толстым. Остальные были куда тоньше, листы сделаны из необычной тонкой

белой бумаги, а сафьяновые обложки не обсыпались от старости. Но их пришлось отложить до того дня, когда я в совершенстве овладею древним наречием Полукровок.

Итак...

Я с удовольствием погрузилась в путанные велеречивые записи, не замечая, как солнце бежит к зениту. Хорошо, когда никуда не гонят и не заставляют ничего делать. Живи в свое удовольствие!

«Мы проиграли эту войну. В своем высокомерии мы встали на сторону слабого. Мы были уверены, что нашей Силы хватит сделать слабого правым. Мы ошиблись. Отступая шаг за шагом, теряя последнее, мы утратили все, оставалось лишь с достоинством принять свой жребий. Изгнание и забвение... Мы ушли за Последние врата в поисках покоя, а возможно, и смерти. Жизнями последних воинов была куплена возможность накрепко запечатать Дорогу назад. Долина Заката стала последним приютом жалкой горстки беженцев, утеревших былое величие и Силу, но смерть не спешила на наш зов... Наше уединение было неожиданно нарушено. Наш позор научил нас многому, но мы снова вмешались в судьбы мироздания. Направляли, изменяли мир и его обитателей, чтобы они согласились принять нас, поделиться с нами частью себя. Ведь Сила возрождалась, но становилась чуждой, неподвластной нам. И все же появилась надежда. Надежда на новый триум».

Последняя фраза меня заинтересовала. Спустившись со своего уютного чердака как раз к обеду, я не преминула потребовать разъяснений. Написанные на старовсеобщем хронике содержали очень много непонятного, Луна уже привыкла к моим порой глупым вопросам.

Когда, приглаживая пятерней встрепанные волосы и размахивая полотенцем, моя светлость появилась на первом этаже, хозяйка трапезничала. На сей раз – недожаренной козлятиной. Отвернувшись, я сглотнула тошноту. Похоже, моему желудку потребуется куда больше десяти дней, чтобы привыкнуть к виду этих неаппетитных блюд. Выслушав меня, эрреани отложила нож и протянула:

– Та-ак! Разве Властелины ничего не объяснили вам?

– Чего не объяснили? – с интересом переспросила я, надкусывая сочное яблоко, ранее украшавшее выложенную на глазурованном блюде пирамиду. – И почему о своем Повелителе ты говоришь во множественном числе?

– Ну ладно, эш-реани. – Луна неохотно отставила свой обед и, вздохнув, подперла кулаками голову. – Триум, значит. Как бы объяснить попроще? Вот у вас, людей, принято жить парами, и называется это... как же?

Эрреани смешно сдвинула брови.

– Семья, – подсказала я. Уже понимая, что сейчас узнаю кое-что интересное, старательно удерживала на лице вежливое выражение. Обычное мое спокойствие медленно, но верно отступало куда-то в глубины сознания. Что-то придет ему на смену?

– Ага, муж, жена, дети... Всего двое старших участников союза.

Усмехнувшись, я кивнула:

– Как правило.

Наивная молоденькая Полукровка не поняла моей циничной улыбки. Плохо она знакома с нашими реалиями. Порой союзы не ограничиваются всего двумя персонами. Присев на стул, я с интересом уставилась в лицо Луны. Ее серо-голубые прозрачные глаза наливались какими-то эмоциями. Спешно отвернувшись, я уставилась в окно башни. Не хватало еще провалиться в ее взгляд!

– Триум же – наш способ создания союза, семьи! Хотя это изначально нечто большее. Это родство душ и Сил, единение сознаний, такое близкое, открытое и искреннее, что... трое эрреани, замыкая триум, обретают... – Было похоже, что у Полукровки недостает слов, чтобы описать все величие момента объединения.

– Трое?! – Я удивленно фыркнула.

– С вами, людьми, всегда так! – досадливо махнула рукой Луна. – Чуть что, сразу возмущаться! Да, трое – двое ильнэ... мужчин и... женщина!

– Ладно, ладно, не обижайся. – Я успокаивающе коснулась ее руки. – У людей ханжеские нравы, общество не приемлет чужой необычности. У вас триум – правило? Хорошо, ваш дом – ваши обычаи. Но почему получается такая диспропорция? Почему не двое?

– Потому что иньэ... женщин у нашего народа испокон веков рождалось вдвое меньше. Так вот, участники триума становятся практически единым целым. Там не бывает ссор и непонимания, свойственных вам, людям. Общение без труда происходит на эмпатическом уровне, а Сила, обретаемая ими в результате смешения энергий, неповторима. Разорвать триум может только гибель одного из участников, а оставшиеся в живых вряд ли смогут утешиться.

Я, видимо, чего-то не понимаю, но на лице Луны проступало одержимо-мечтательное выражение, приправленное изрядной толикой горечи.

– И в чем проблема? – вырвал Луну из мечтаний мой вопрос.

– А-а... проблема в том, что Сетхар Лиэин не в силах замкнуть свой триум!

– Сет... Кто?

– Повелитель Ливень. Значит, так...

– Разве это сложно? Нашел спутников по душе – и вперед!

– Ну как ты не понимаешь?! После гибели одного из замыкающих союз распадается, и, чаще всего, навечно. И Сила – уходит. А это Верховный триум, наша опора и основа, без которой... Без которой мы просто исчезнем, развоплотимся. И его могущество ушло, как вода в песок.

– И кто же погиб?

– Сирень, Вэйвелиэ...

Значит, осталось двое... мужчин. Почему я не знаю второго? Где он прячется?

– Властелины попытались замкнуть триум снова, но увы... никто не смог заменить мою сестру.

– Неужели это так сложно, найти новую спутницу? – Удивленно потеряв переносицу, я задумалась. Вот, оказывается, какие бывают проблемы у бессмертных и могущественных существ.

– Эш-реани, – всплеснула руками эрреани, – в момент развоплощения кажется, будто из тебя вырывают клочок души. Остается вечно кровоточащая прореха, а часть себя потеряна навсегда! Сирень была лучшей! Великолепнейшей! Прекрасной!

Луна вскочила и, нервно заламывая руки, принялась нарезать круги вокруг стола. Следя за ней, я мерно кивала головой. Интересно, Сирень была такой же... импульсивной?

– А разве нельзя создать новый Верховный триум? С другим Повелителем?

Луна посмотрела на меня свысока.

– Я же сказала – это невозможно! Ливень – последний Властелин из рода Лиэин! Только союз, возданный им, может структурировать энергию рождения! – Она как-то обмякла и тихо, жалобно добавила: – Подумать только, ты – и вместо Сирени...

Ну вот, этого только не хватало. Я тут сижу и ничего не знаю, а она так терзается... Видно, это в самом деле очень важно. Энергия рождения? Это про детей, что ли?

Тут до меня долетели последние слова молодой эрреани.

Что, что, что? С чего это вдруг?

– Неумеха без единого грана Силы! Глупая, необразованная молоденькая человеческая девушка!

А сама-то!

Поначалу до меня не дошло, что мне предстоит, а потом, когда поняла, что шептала Луна, я как-то сразу ей поверила. Меня словно водой окатило.

Изогнувшись, я цапнула Полукровку за краешек ауры, сейчас почему-то вполне материальной.

– А ну сиде-еть! Что ты сказала?

Девушка испуганно плюхнулась на табурет, зажав ладонями рот и тараща на меня глаза. Поздно, проболталась! Какая наивность! Все от молодости. Но что сказано – то сказано.

– Правду говорят: язык твой – враг твой, – с сочувственной улыбкой сказала я. – Так чье место, как ты говоришь, я должна занять?

Теперь главное – наседать безостановочно, пока она не очнулась.

– Сирени...

– Как?! – прокричала я в перекошенное лицо Луны. – Ты ж сама говорила, что это невозможно!! Энергия! Души!

– Властелины нашли способ... годный для людей.

– Подробнее! – Главное – удержать бы командный отцовский тон, пару раз слышанный через стену допросной.

– Инициация и Хаш-с-Дет...

– Объясни! – приказываю я, с силой выкручивая дрожащий шлейф энергии.

– Инициация – изменение сущности создания на более энергетически высокую, сравнимую в данном случае с сущностью новорожденного эрреани. Хаш-с-Дет – модернизированный ритуал калибровки и перенастройки абсолютно чистой сущности под имеющиеся параметры, – как по учебнику отбарабанила эрреани. Я отпустила ее ауру, и Луна медленно осела на пол, всхлипывая и теребя подол

серой мантии.

А я крепко задумалась. Редко в столь короткий диалог умещается столько принципиально новой информации, которая, по-моему, не сулит мне ничего хорошего. Вспоминается только скандал, затеянный мной в кабинете отца по поводу поездки в эту долину...

– И отказаться от этой чести уже никак не получится, – скорее утвердительно проговорила я, рассматривая потолок. Пересчет камней не добавил спокойствия.

Эрреани согласно склонила голову:

– Во время королевского жребия мы провели ритуал, поворачивающий Судьбы. Ты – лучшее из возможного!

Я невесело хихикнула:

– Не думаю... Ну-ка, ну-ка, так вы еще и сжульничали?

– Возможно, – пожала плечами эрреани, – по человеческим меркам. А как иначе поступить, если речь идет о жизни и смерти целого народа, твоего народа?!

– Это вас, что ли? – Кто знает... – А ты, посвященная, откуда знаешь подробности?

– Я – Мастер, – гордо выпрямилась девушка, – и принимала участие в чародействе!

– И куда бы я отправилась, не сотвори вы... поворот?

– К оборотням, скорее всего.

– Это был риторический вопрос. А теперь помолчи.

Сложив руки домиком, моя светлость чуть не откинулась на спинку, по определению у табурета отсутствующую. И попыталась переложить сведения на

свой лад. Без использования местной терминологии.

Значит, все-таки замуж, еще и за двоих ээ... мужчин сразу. И почему меня это не шокирует? И подлостью действия Полукровок никак не назовешь. В своем праве... Выиграли – получили право распоряжаться наградой. Хотя... у нее-то может иметься свое мнение на этот счет...

– Это самый ошеломительный брак по расчету, о котором я слышала!

– Но...

– Во имя демонов заката, кто же второй?

Обрадованная тем, что я спрашиваю о чем-то конкретном, эрреани выпалила:

– Листопад Велль'Исс!

– И где же он прячется? – нахмурилась я.

– Он ушел за Порог, все еще не вернулся с охоты... Трус несчастный! Да еще и Порог какой-то, и охота!

Так я рискую утонуть в ненужных подробностях жизни этих странных существ. Самое главное я уже знаю!

– Спасибо за информацию, – сказала я, вскакивая, – счастливо оставаться!

И решительно направилась к выходу. За порогом меня нагнало удивленное:

– Ты куда?

– Знакомиться с женихами! – рявкнула я раздраженно.

А Луна осталась, бездумно глядя вслед умчавшейся девушке. Сцепив руки, она тихо прошептала, кривя губы в странной горькой усмешке:

– А ты подходишь... Владычица...

Сказать, что я была зла, значило не сказать ничего! Меня переполняла холодная ярость. Это такое особенное состояние души, когда я могу учинить любую глупость. Порой непоправимую. В последний раз, поддавшись безумию, я доской, вывернутой из забора, разогнала ватагу озверелых парней, избивающих ученицу ведьмы.

Узкая извилистая тропа стелилась под ноги, листва сливалась в единую зеленую массу, солнечные лучи, пляшущие по лицу, заставляли жмуриться.

Я им покажу инициацию, Хаш-с-Дет и демонов заката! Они еще пожалеют, что связались со мной! Устрою им Аралисское побоище! На тихий голос рассудка, говорящий, что обратного пути все равно нет, я не обращала внимания. Но что не смог разум, удалось коряге, не вовремя подвернувшейся под ноги. Взмахнув руками, я рухнула на землю, встала, огорченно полюбовалась на подранные на коленях штаны и потерявшую вид шелковую тунику и двинулась дальше уже в более вменяемом состоянии. Сразу убивать не буду, сперва выслушаю оправдания.

Кстати об одежде. Такого понятия, как мода, у эрреани, о радость, не существует! Вне долины они носят плащи-хамелеоны до пят с глубокими капюшонами и перчатки. А дома... Моя хозяйка предпочитает простого покроя эльфийские платья, члены моего невидимого эскорта все, как один, предпочитают одеваться на человеческий манер, кое-кто придерживается орочьего стиля. Многие, как и я, облюбовали просторные туники и штаны из тонкой замши. А все мое приданое, состоящее из десятка придворных платьев с аксессуарами, было в первый же день развешано в самом дальнем шкафу верхнего этажа башни.

Замок был пуст. Я прошла в лишенный ворот проем в серой стене. Кругом мертвая тишина. Ни в первый день, ни позже мне не довелось рассмотреть замок более подробно. А он того стоил. Семь невысоких, сложенных из гладкого камня башен, встроенных в стены, окружали заросшее высокой травой

пространство. Посреди ковыля, полыни и степнянки высился двухэтажный особняк из резного серого камня. Большие двери, за которой скрывалась трапезная, были закрыты. Наглухо... будто и не открывались.

То ли неприятные ломаные пропорции строения сгладились, то ли стали уже привычными, но не было первоначального резкого до тошноты неприятия окружающего мира. Замок подслеповато щурился на меня узкими стрельчатыми окошками. Кажется, никого нет. А единственный огонек жизни в сем необжитом месте... я прищурилась. Во-он там. Но откуда я это знаю? Остатки ярости, что ли, помогают овеществлять смутные чувства? Ладно... И это наверняка тоже дело рук местных жителей. Раздвигая руками ароматные травы, я двинулась к ближайшей башне.

За тяжелой дубовой дверью – гулкая пустота коридоров и широкие ступени на второй этаж. Следуя за ниточкой жизненных Сил, тянущейся под сводами необжитых комнат и крутых винтовых лестниц, я взбежала на самый верх. Под потолком кружили отзвуки Силы, запахи дождя и грозы. Здесь жили, хотя голые стены и пытались обмануть посетителей. Я нашла Повелителя (или Властелина?) в самых дальних комнатах. Он спал, живописно разметавшись на низкой кровати. Потрясающая беспечность. И невообразимый образец экзотической красоты.

Замерев в дверном проеме, я принялась изучать комнату. Узкое окно напротив, синие кресла, все четыре стены увешаны оружием. Для большей части предметов я даже не смогла бы подобрать название. Но, думаю, самым смертоносным был сам Ливень, чьи крылья цвета пепла неожиданно обрели материальность, покрывая пол мягким живым ковром.

На одной из стен, совсем рядом с окном, мне приглянулся короткий изогнутый кинжал с простой костяной рукоятью. Так, и что я собираюсь сделать? Да ладно, если это нельзя делать, меня остановят... Ни за что не поверю, будто Полукровка не почуял моего присутствия.

Осторожно миновав распластанную ауру Силы, я сняла оружие со стены. Как-то мне довелось получить пару уроков... Резко разворачиваюсь и прорезаю пришедшимся по руке клинком воздух. Прямо над головой эрреани! Мгновенно взметнувшиеся крылья отшвырнули меня к стене. Спиной я ощутило приложилась к стойке здоровой алебарды. Сверху посыпались какие-то деревяшки. Застонав, вспомнила весь небогатый запас ругательств, попыталась

встать, и тут сердце захолонуло при виде рушащейся на меня боевой косы. Она, остановленная уверенной рукой почти у самого моего носа, обдала ветром лицо.

– Вот так запретили, – просипела я, пальцем отводя лезвие и с трудом поднимаясь с пола. Ушибы заныли, отчего пришлось согнуться. В комнате ощутимо пахло грозой, чуть смущенный Ливень (ведь мы почти родственники), убрав ауру до привычной неосязаемой дымки, спросил:

– С вами все в порядке?

– Вашими стараниями я до свадьбы не доживу!

Черноволосый Полукровка усадил меня в свое кресло, а сам элегантно расположился прямо в воздухе напротив. Иронично вздернул брови:

– Какой свадьбы?

– Ну инициации, какая разница!

– Я был лучшего мнения о разуме и сдержанности Луны, – задумчиво промолвил Повелитель. – Но ладно. У вас есть вопросы?

– Ну разумеется! – Я подалась вперед, впитывая его облик. – Хочу увидеть Листопада!

– И все? – Легкое удивление Ливня словно окутало меня, быстро отведя взгляд от темных омутов его зрачков, я мотнула головой. Не хватало провалиться в водоворот этих глаз.

– Нет, хотелось бы узнать: после всех этих ритуалов во мне останется хотя бы частица... меня?

Интересно, слукавит?

– Личность не подвергается опасности, – успокоил меня Повелитель, – изменится только то, что наполняет физическое тело.

Врет... Или не понимает? Душу-то придется корежить, чтоб она в прежние узоры попала.

– Так вы не возражаете?

Искреннее удивление заставило меня поднять взгляд. Собеседник подался вперед, будто выслеживая добычу или ища в моем лице то, чего нет.

– Ну что вы, – невольно улыбнулась я, – нет, конечно. – Ладно, не отступать же теперь? – Хотя слегка пугает сама возможность подобного союза. Но я получу лучшее в этом мире!

Он явно не рассматривал происходящее с этой точки зрения. Озабоченно нахмурился:

– Возможно, наша жизнь будет в опасности смертельной опасности. Сирень... тоже недооценила...

– Но, надеюсь, похороните с почестями? – перебила я Ливня. – Не пугайте, избегать опасностей постоянно – невозможно. Хотя ответственность... И все равно это лучше, чем прозябать в отцовском замке! Я согласна!

– Хорошо... – Внезапно он напрягся, словно к чему-то прислушиваясь. Очертания тела поплыли, смазываясь, и вновь запахло грозой. Развернулись крылья. – Но поздно! – В голосе прозвучали отчаяние и безнадежность. – Врата открываются!

Вокруг вскочившего Повелителя начал стремительно закручиваться вихрь, поглощая то, что совсем недавно напоминало человека. Серокожее, в полтора человеческих роста призрачное существо в клубящихся облаках и молниях, яростно скалясь, схватило оружие и начало исчезать, становясь все прозрачнее...

– Куда?! – закричала я и прыгнула в вихрь. Где был мой разум? Сотни ледяных лезвий заставили меня выгнуться от боли, с губ сорвался мучительный крик. От холодных уколов мгновенно онемело тело, сердце на мгновение остановилось и забилось снова.

Перемещение!

Стоя на четвереньках, я судорожно выдохнула и закашлялась. В ладони и колени впивался мелкий гравий. Напряженная звонкая тишина окутывала меня пуховым одеялом. Воздух застыл, словно фруктовое желе, с трудом проталкиваясь в грудь. Я встала. Позади густой ельник, впереди резкий обрыв и каменистый крутой откос, а внизу, прямо передо мной, стояли Врата. Два гигантских столба из благородного гранита на гладкой площадке ниже по склону. Воздух дрожал в странном мареве, натянутом белесой паутиной между ними. Радужные разводы бились в нее, напоминая осколки слюдяного стекла. А перед ними стоял... он. В сером клубящемся тумане только угадывалась высокая гротескная фигура, распахнувшая крылья, теперь больше похожие на драконьи. Двойное зазубренное лезвие выписывало странные рваные фигуры.

И даже до меня долетала злая отчаянная решимость... Стоять насмерть, не допустить! Чужая ненависть сочилась через Врата, сочно чавкая пожираемыми Силами.

Слишком мало энергии!

Нечто безжалостное и опасное довольно дрогнуло от радости. Наконец оно добралось до своей жертвы, столь долго скрывавшейся... И жалкое сопротивление, оказываемое противником, лишь раззадоривало пожирателя.

И ничем, ничем я не могу помочь! Зачем я вообще рванулась за ним? Лучше не знать о гибели мира до самого последнего момента!

Паутинка тонко задрезжалась, дрогнув. До меня опять донеслись отголоски злобной радости и холодной бессильной ярости. Невольно шагнув вперед, я подвернула ногу и покатила вниз вместе с мелкими камнями и мусором. В ноге хрустнуло, холодный камень с размаху припечатался к скуле. Резкая боль в груди. Брызнувшая кровь замарала гранит. Краем глаза я заметила, как мимо меня вниз пронеслось нечто горячее и золотистое. С трудом повернув голову, я посмотрела на Врата. Нежное ласковое золото слилось с туманом, обрисовывая вторую ломаную крылатую фигуру, резко вскидывающую руки. Дребезжание усилилось, а меня окутало осенней свежестью, боль утихла, в глазах все плыло...

Ну почему? Почему, стоит мне понять, что я способна на... что-то полезное, достойное и необходимое... стоит мне самой принять решение, чувствуя небывалую радость и гордость за самое себя, пусть даже это и означает гордыню, как все обрывается? Почему все должно закончиться, так и не начавшись, да еще и так низко и мерзко! Я со стоном поднялась на корточки, затем встала, не обращая внимания на боль. В два бесконечно длинных шага оказалась рядом с Властелинами, чувствуя, как осколки ребер впиваются в легкое. Вцепившись, повисла на их плечах – одно обжигающе ледяное, другое пылающее. Не хочу умирать такой жалкой! Такой ненужной и бесполезной!

Голод за Вратами надавил настойчивее, и хрупкий заслон рухнул, осыпавшись хрустальными осколками. Тьма закружила меня, поглощая, засасывая туда, где нет ничего, одна только смерть и пустота. Я помню еще свой отчаянный рывок вверх, к свету, и полный муки крик:

– Я хочу жить, жить!

Черные столбы покрылись сеткой трещин и осыпались сухой гранитной крошкой, устлав площадь и три обессиленных, опустошенных тела на ней серой пылью.

Медленно рассеивающийся туман прогонял блаженное забытие. Тишина и тьма звучали на два голоса, отдаваясь в уплывающем сознании звоном басовитых струн.

– Разве подобное могло произойти? – Искреннее недоумение в шелесте листвы.

– Чего ты опасаться? Радуйся, мы получили отсрочку! – Усталые далекие раскаты грозы успокаивают.

– Но цена! – Шелестящий голос наполняет недоверчивая и какая-то робкая радость, смутная надежда.

– Разве она не достойна? Не совершенна?

– Она прекрасна, но так не похожа на...

– Молчи, молчи! Не бойся! Не убивай сомнениями душу.

– Но она всего лишь человек, такая хрупкая игрушка мира... Я опасаюсь... навредить.

– Посмотри внимательнее. Такую – не сломаешь. Ей не нужны ни инициация, ни Хаш-с-Дет... Но беречь и защищать ее тебе никто не запретит. Скорее я первый попрошу.

– Мы... справимся?

– О да, и к тому же покончим с изоляцией.

Сообразив наконец, что голоса звучат прямо в голове, я попыталась открыть глаза. Ох, лучше бы не пробовала. Не чувствуя тела, я плыла в молочно-белом тумане, где не было ни верха, ни низа и не за что зацепиться взглядом. В панике я дернулась несуществующим телом, напрягая горло. Закружилась голова.

Где мое тело? Верните назад! С этой панической мыслью я начала стремительно падать куда-то вниз, вниз; вниз... в закручивающийся крутой спиралью водоворот. Приступ тошноты, подкатывающий к... горлу? И резкий рывок, будто оборвалась нить, что держала марионетку... Мгновение темноты, и вновь нахлынувшие привычные ощущения.

Мягкий рассеянный свет сквозь соломенный полог, жесткий матрас под лопатками. Слабая ноющая боль в боку и ноге, нежный шелк покрывала и чье-то успокаивающее, ласковое и уверенное присутствие. Как хорошо, домашнему...

Голоса в сознании затихли, зато донеслись из-за невидимой двери:

– Я всегда считал, что полная изоляция была ошибкой, но мне не хватало голосов в Совете. – Знакомый богато модулированный голос. Ливень. Сознание еще действовало урывками, отлавливая только отдельные фразы.

– Теперь и я готов с тобой согласиться! Подобное чудо, – в незнакомом теноре явственно проступила осторожная нежность, – наверняка преисполнит их

благоговением.

– На это не рассчитывай! – насмешливо фыркнул Ливень. – Но не переживай, Лист... Она не пожелает терпеть одиночества.

Глухо звякнув железными кольцами, полог откинулся, и на пороге возник Повелитель эрреани. Небрежно потряхнув головой, спросил:

– Уже очнулась?

Не дожидаясь ответа, он обернулся непривычно ломким движением, призывно взмахнул рукой, и рядом возник еще один Полукровка. Я моргнула. Он сиял, правда! При всем совершенстве черт и фигуры, свойственном телесному облику, в раскосых светлых глазах его мерцала золотистая искра, а волосы, заплетенные в длинную косу, напоминали цветом мед. Не полностью сокрытое отражение Силы, вот как это называется. Искоса приглядевшись, я заметила окружавшую его текучую оранжевую дымку. Он присел на край ложа, взял мою ладонь и принялся выводить на ней узоры. Застенчивое ласковое тепло расплзлось по мне, исцеляя последние раны.

– Я – Листопад, – представился Полукровка.

Невольно расплывшись в блаженной улыбке, я пробормотала:

– Догадалась уже... А я – Мелита.

Рядом, с другой стороны, легко присел Ливень, задумчиво и устало улыбаясь. Ему в этот раз досталось больше всех. В черной гриве прибавилось седины, а в глазах – опасений. Его беспокоила задвинутая пока подальше мысль о том, что это далеко не последняя попытка прорыва. Но не было больше ореола обреченности. Как странно, я без труда ловлю его чувства...

– Посадите меня, пожалуйста, – набравшись наконец смелости, попросила я. И чьи-то крылья бережно приподняли и поддержали меня, пока я устраивалась поудобнее. Легкая рубашка соскользнула с плеча, Листопад, чуть смущаясь, поправил ткань. Теплое прикосновение его руки... не вызывало отторжения. Чувствуя, как смешиваются во мне токи таких разных Сил, порождая легкость и

уверенность в будущем, я боялась нарушить эту хрустальную тишину. Две изящные ладони накрыли мои, две пары крыльев прикрывали, оберегая, две Силы укутывали, порождая третью. И это было правильно... Да будет так! Навсегда! Две головы склонились в молчаливом согласии.

Слова нам более не нужны.

Глава 2

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА

Кронпринцесса Мажена. Вридланд

До чего уродливы лики войны! Кажется, мертвец. На сей раз, по-моему, эльф. По крайней мере, из-под спутанного окровавленного колтуна, в который превратились волосы, торчали острые кончики ушей. Его прибили за руки к двум близстоящим деревьям у главной охотничьей тропы. Переломанные ноги не держали бессильно повисшее тело, а из пробитых ладоней на присыпанную хвоей землю медленно стекали тягучие алые капли крови. И еще... кажется, эльфа пытали, долго и изощренно. Только у людей хватает воображения на такое! Ненавижу!

Да неужели они, кто бы ни были, думают, что подобное украшает Королевский лес?! И поднимает настроение охотникам?! Впрочем, кому-нибудь другому, вроде кузенов... Но не мне! Зло прикусив губу, я мотнула головой. За какими демонами меня вообще понесло на верховую прогулку? Хотя еще пять минут назад я тихо радовалась, что никому до меня и дела нет. Соскочив с лошадки, осторожно подошла ближе по мягкой пружинящей подстилке. Эльф неожиданно застонал, поднимая мутные от боли глаза. Он что, в сознании? Поддавшись импульсу, я сорвала с пояса фляжку и попыталась влить в горло воды.

Вот сволочи! У меня просто слов не хватает, да и ругаться я не умею! Изуродованное ожогами лицо, разбитые губы, выбитые зубы... Они вырвали ему язык!

Ненавижу этот эдикт! «О шпионах», демон его раздери! То, что позволяет вытворять с людьми такое, просто не имеет права на существование! Хорошо, пусть не с людьми – с эльфами, оборотнями, гномами, орками. Мерзко! Но оправданно, с их точки зрения, ведь идет война. Прекрасный повод извлечь из глубин собственных душ всю гнусность и мерзость, зависть и многое другое, таящееся до поры в любом человеке. Уже пять лет идет война! Как-то уже позабылось, что именно мы ее начали. И с чего! И что все ответные шаги нелюдей были оправданны, сто раз оправданны! Что это всего лишь разумная жестокость.

Так что пусть провалится к демонам этот указ! Я сама себе хозяйка! Или я не Мажена Вашшек, дочь короля Рохана.

Самым сложным оказалось отцепить его от деревьев. Не знала, что эльфы – такие увесистые создания (или это я слаба?)! И такие живучие! Пообломав все ногти, мне удалось вытащить один штырь. С глухим стоном эльф осел на землю изломанной куклой... ох! Второй штырь остался в стволе, вырвав из ладони кусок плоти.

Как отец смел подписать этот эдикт?!

– Знаешь, эльф, – бормотала я, волоком подтаскивая тело к лошади, – может, и не стоило тебя снимать, но... хоть ты и шпион... надо уравнивать счет, хоть немного.

Когда волнуюсь, всегда начинаю говорить вслух. До сих пор не понимаю, как мне удалось взвалить его на лошадь. Животное, приученное к охоте и крови, стояло спокойно. Не хватало еще за ним бегать! Измазанная по уши в крови, я почти час бродила по лесу в поисках пещер. Ориентироваться в лесу тоже не умею. Хорошо, что сегодня никто не выезжал с охотой. То-то была бы встреча! Ее высочество кронпринцесса Мажена в коротком окровавленном жакете, лосинах и охотничьей юбке, украшенной разводами грязи и сосновыми иглами. Иногда я проверяла, жив ли эльф. Удивительно, но это изломанное, изрезанное и обожженное существо все еще цеплялось за жизнь.

– Знаешь, эльф, сегодня стало известно, что наши войска сожгли Реаль-ди-Наль, вашу древнюю столицу. Как все радовались, что побеждают в этой войне... Глупцы! Это еще аукнется нам. Не пощадили никого! Впрочем, почти все

защитники пали на стенах... Высший инквизитор самолично перерезал горло младшей наследнице. Никогда больше не засияют Алые башни. А я была там, эльф, незадолго до начала войны... Помню... все помню, хотя и было мне всего пятнадцать лет. Grimасы войны уродливы и беспощадны... но вы никогда не сдаетесь, и это правильно! Надо сравнивать счет.

Пещеры эти были вовсе не пещеры, а заброшенная система искусственных гротов в паре лиг от громады Малого Королевского замка, где я коротаю последние годы. Подальше от сражений! Это глупость несусветная – прятать здесь эльфа, но больше-то негде! А если кто-нибудь вернется проверить приговоренного к смерти пленника? Я глянула на небо, где собирались тучи. Ловя губами первые холодные капли, улыбнулась. Дождь – это хорошо, скроет все следы, особенно этот первый осенний ливень... иначе моя безумная затея, как говорят на кухне, «накроется медным тазом».

Сумрачный ельник расступился, открывая изящную беседку, пристроенную к каменистому холму. Таща упирающуюся и нервно вздрагивающую лошадь за повод, мне удалось протиснуться в третью, самую нижнюю пещеру. В гроте, о радость, пыли и паутины было совсем немного. Зато был родничок, бьющий из стены в резную чашу. Избыток ледяной воды по желобку стекал куда-то в темноту. Сохранилась и кипа покрывал в углу, куда падал неяркий рассеянный свет. То, что осталось от моих детских игр десятилетней давности. Из узкой щели напротив входа ощутимо тянуло промозглым холодом. Там начиналась сеть пещер и щелей, уходящая глубоко под землю. Эту стену я лично расковыривала.

Эльф почти уже не подавал признаков жизни. У меня внутри все заледенело, когда пришлось снимать с него лохмотья, оставшиеся от одежды. Я всегда была несколько брезглива (королевская же дочь), но тут тошноту при виде ран и увечий и некоторое неуместное смущение перебила жгучая ненависть. Нельзя, нельзя такое делать, пусть даже с нелюдью, пусть даже война. Те чудовища сами, кто подобное творит, даже ради определения истины. А из эльфа пытками ничего не вытянешь, так что с ним просто забавлялись, спуская свою ненависть на подходящий и беззащитный объект. Где-то раны и ожоги были свежие, где-то – уже поджившие и затянувшиеся. Да, я немного разбираюсь в целительстве и врачевании. Это единственное, к чему у меня нашлись хоть какие-то способности.

Я промывала и промывала раны холодной родниковой водой. Руки начало ломить. А в углу скопилась изрядная красноватая лужа. Струйки розовой воды бежали по неровному полу тонкими ручейками. Пальцы на обеих руках эльфа были переломаны, ребра, похоже, уцелели. На ноги, где в открытых ранах тускло поблескивали кости, я вообще боялась смотреть. Хорошо, что здесь царит сумрак, иначе от полуобморочной принцессы было бы еще меньше толку. Я скорее теоретик. Покончив с промыванием, я осторожно перевалила бессознательное тело на сухие покрывала и отправилась наружу. Лошадь невозмутимо общипывала последнюю траву. Я сняла с седла сумку и отнесла в пещеры.

Копаясь в ней в поисках съестного, я всей спиной вдруг почувствовала это... Эльф, распластанный на старом тряпье, открыл глаза, силясь что-то сказать. И в его яростном, вполне осознанном взгляде плескалась такая ненависть! Почти материальная, она струилась и стелилась по пещере, клубясь черным туманом. В груди заглохло от страха... Слов нет, воздух встал в горле ледяным комом.

Это та самая легендарная эльфийская эмпатия, немалых войск стоившая нашим генералам. Искренние чувства, бьющие наотмашь по разуму. По ногам прошла судорога боли. Чужой... Развернувшись, я рухнула перед раненым на колени, рассадив их до крови какими-то осколками.

– Молчи, шпион, молчи и терпи. Я – не целитель, так что... все зависит только от тебя! – То и дело сглатывая, я попыталась выправить переломы. Вздрагивающая теплая плоть под пальцами неохотно поддавалась моим жалким усилиям. Открытые раны пришлось просто прикрыть оторванным подолом. Вроде получилось, но... – Сейчас время идет к вечеру, мне надо будет вернуться к ужину, а то хватятся, пошлют кого-то на поиски. Нам этого не надо... Ты лежи и, главное, не шевелись. Ведь кости должны срастаться ровно. Вы же стойкий народ, вот и терпи, не терзайся, не беспокойся. А переломы все равно фиксировать нечем. Я вернусь завтра утром, честное королевское.

Пока прикрывала камзолом и ветхим покрывалом израненное тело, я видела его глаза. Он мне не верил. Ни на грош! Да я его и не винила, потому как сама не знала, достанет ли у меня решимости вернуться.

Меня по-прежнему никто не замечал. И хорошо... Иначе как бы я стала объяснять свое позднее появление, по пояс в грязи, без шляпки и камзола, в обрывках юбки и драных лосинах? Хотя дождь и грязь сделали свое дело, смыв следы крови. И с

меня, и с коня. Но сам до ужаса непрезентабельный вид? Конюх, которому я отдала несчастное животное, и горничная, отпаивавшая меня горячим вином, не в счет, с ними у меня отличные отношения. Они меня жалели, и им сошла сказка о неудачном падении. А вот кто-то облеченный властью и знанием, умеющий задавать неприятные вопросы, едва ли не обратил бы внимания на всякие мелочи. И на немаленький тючок, который я собиралась собрать.

Этой ночью мне не пришлось спать. С трудом высидев положенное время в столовом зале, где собиралась на ужин королевская семья, я отправилась бродить по замку. Короткому налету подверглись поочередно библиотека, кухня и лаборатория дворцового целителя. Благо никто не мог запретить мне ходить куда хочется, ибо я – королевская дочь! И отчего-то было совершенно безразлично, что придворные нажалуются отцу о недостойном и неподобающе плебейском времяпрепровождении кронпринцессы. К тому же его величество абсолютно недоступен, второй день заседа с Советом Королей. Только в его власти запретить мне что-либо. Королева же – развлекается!

Утром в конюшнях достаточно было вымученного взгляда и короткого пояснения, что скрываюсь в лесу на целый день. От родственников. Оттого и беру с собой запас еды.

В душе царило смятение. Хотелось все бросить и спрятаться среди зеркал и гобеленов замка, но что-то не давало отступить. Какое-то дикое упрямство и дерзкое желание сделать нечто... что зачтется мне. Потом, когда-нибудь. Быть достойной... И, поминутно оглядываясь на приземистые строения, будто прощаясь с прежней жизнью, я нырнула в лес.

Густой туман глушил звуки шагов. Напряженно оглядываясь, я понукала лошадь идти быстрее. Темный осенний лес пугал. Иррациональный страх и беспокойство за эльфа гнали вперед. Не умер ли, не нашли ли? Поплутав по тропам, я вышла к беседке.

Эльф все так же лежал на куче тряпья в глубине пещер, грудь его медленно вздымалась в такт хриплому дыханию.

Кинув вещи, я замерла над ним встревоженной, озабоченной птицей. И прислушалась... затем встряхнулась, скидывая оцепенение. Как много еще надо сделать!

Мне рассказывали про инстинкты целителей, а я еще не верила! Это как одержимость, желание во что бы то ни стало защитить и исцелить. Столь неподобающего чувства просто не должна испытывать вышколенная принцесса! Первый пациент как первая любовь...

Не подумайте плохого. Я знаю, что такое любовь, флирт, романтика. Меня никто не держит впроголодь, я обожаю балы, концерты, пикники и никогда до последнего времени не страдала от невнимания родителей. Но сейчас у меня траур, а высочайшее положение обязывает своим примером показывать людям, как следует придерживаться законов. Пару месяцев назад, летом, погиб мой жених. Доблестно сражаясь в первых рядах наступающей пехоты, он был сражен орочьей стрелой. Но много ли доблести в поджогах беззащитных дриадских рощ, скажите мне?

Принц Сипаад был до дрожи неприятный молодой наглец, но выгодная и стратегически правильная партия. Младший брат короля Вераана, нашего северного соседа. Скрывая невероятное облегчение, если не радость, я коротко остригла волосы, демонстрируя должную степень печали. И более не посещала развлечений.

После полагающегося по традиции двухгодичного траура я превращусь в настоящий перестарок. Ведь двадцать лет – для принцессы предельный возраст, после достижения которого она никому не нужна. Никто не возьмет замуж ту, в плодовитости которой могут возникнуть сомнения. Поставить под угрозу продолжение династии? Никогда. Конечно, сопредельные герцоги не побрезговали бы породниться с королем, но... Отец четко сказал, что ни за кого менее родовитого меня не отдаст. И я этому рада. Наконец-то смогу заняться тем, что интересно мне, а не требуется для нужд королевства. Это была хотя бы иллюзия свободы.

Занятая циничными мыслями, я перестелила одеяла и зажгла лампадку. С первого момента, как я вошла в пещеру, за мной внимательно следил эльф. В ясных глазах не осталось ни капли того мутного бреда, перемешанного с ненавистью, что так напугал меня вчера. Раненый выглядел гораздо лучше, покой и минимальный уход делали свое дело. Раны начали потихоньку срастаться, и ни воспаления, ни лихорадки не было. Живучий оказался остроухий.

– Ну что, шпион, – я присела рядом, – есть-пить будешь? Просто моргни! – торопливо добавила я. Эльф, внимательно вглядываясь в мое лицо, медленно прикрыл глаза.

Я перелила бульон из фляжки в фарфоровую миску. Подложила под голову пациенту еще одно одеяло.

– Горячее, – предупредила я, поднося ложку к разбитым губам. – Осторожнее...

Эльф был вполне в сознании. И ощутимо вздрагивал под моими пальцами, когда я накладывала мази и гели на открытые раны, фиксировала и бинтовала переломы. Но – терпел. Просто не могу представить, как ему было тяжело. Сама себе я же посоветовала засунуть поглубже смущение. Что делать, не приучена я к виду обнаженного мужского тела...

Почти до ужина я просидела с ним в пещере, потихоньку отпаивая бульоном с сухарями. Не переставая что-то говорить, меняла повязки, накладывала швы. Просто сидела рядом.

– Знаешь ли, кто пожаловал на последний Совет Королей, шпион? Эрреани. Те самые, полулегендарные. Хотят остановить войну. Только ни отец, ни прочие короли не согласятся, ведь это – прямой ущерб их чести, их амбициям. И не надо полыхать на меня ненавистью, не я начала эту войну! Да и прекратить не в моих силах. И не раз я уже жалела о том, что родилась коронованной принцессой! Многие в моей власти, но не это... Знал бы ты, как мне надоело терять друзей, знакомых, родственников! Видеть чинимые прямо под окнами покоев зверства! Впрочем, что я говорю, ты наверняка потерял гораздо больше, если тебя занесло в разведку. Да и зверства... попробовал на собственной шкуре. Не хмурься, я не шучу, просто откуда мне знать? Сожжены почти все Дубовые рощи дриад, разрушены Алые башни... столько потерь, и все ради призрачного величия человечества, ради тщеславного желания стать единственными и лучшими! Пять лет, вырванных из жизни, а сколько их еще будет? Похоже, вечер наступает... Что-то я заболталась, не подобает так распускать язык при посторонних. Поправляйся, а я... завтра еще приду.

Мой пациент стремительно поправлялся.[3 - Способность к регенерации у эльфов весьма преувеличена, но они все же способны заживлять раны, смертельные для человека, в течение пяти-семи дней. Со временем рассасываются даже шрамы, требуется где-то от пяти до десяти лет, чтобы исчезли самые крупные. На это они способны без помощи целителя, практически в любой обстановке. С регенерацией утеранных частей тела обстоит сложнее. Это возможно, но лишь в присутствии эльфа – целителя или врачевателя любой другой расы высшего ранга и не позднее трех-четырех суток после утери органа, пока рана полностью не зарубцевалась. В прочих случаях восстановить утеранное категорически невозможно. Такие случаи чаще заканчиваются самоубийством, психика долгоживущего существа не выдерживает пресса ограниченных возможностей. Именно это, а не потрясающая регенерация является причиной малого количества калек среди эльфов. И все же распространенные легенды повествуют почему-то именно об этих в целом: замечательных существах, как о самых живучих. Те же орки проявляют не менее сильные способности...] Дальнейшее мое участие свелось к ежедневным налетам на кухню, радовавшим старшую кухарку, и на лабораторию. Ее хозяин как раз четвертый день разъезжал по ближайшим городкам и весям, практикуясь и собирая осенний урожай лечебных трав. Никто не мешал мне обирать «несчастливого» старика. Почему? Опущенные долу серо-зеленые глаза, обрезанные каштановые волосы, ссутуленные плечи и скорбное выражение лица угнетали окружающих, и придворные меня избегали, не желая киснуть в моем обществе. (Вообще-то я статная, довольно высокая девица с ладной фигуркой, как выразился однажды конюший.) А слугам довольно было приказа.

Эликсиры, настои, мази, заживляющие, противовоспалительные... За какие-то два дня я стала экспертом, хотя раньше и слов таких не знала. Конечно, мое образование простиралось в других направлениях, ибо не подобает коронованной принцессе заниматься целительством, даже если способности имеются. С гордостью могу заявить, что я – самоучка! О чем честно предупредила эльфа, появившись на следующий день.

Тот был отменно спокоен, лишь недовольно морщился, когда я меняла повязки. Кости срастались потрясающе быстро. Совершенно непонятно, как эльфа можно вообще довести до такого состояния. Разве только регулярно ломать свежесросшиеся кости... брр, гадость! Я передернула плечами, но удержала нейтральное выражение лица. Что за мысли?! Отстраненно наблюдающий за мной светлый попытался что-то сказать и невольно шевельнул рукой, хватаясь за горло. Глаза его сердито полыхнули изумрудной зеленью, и жгучее облако ненависти стремительно окутало меня, столь же мгновенно исчезая. Заглушая

собственный страх, я принялась тараторить в лучших обычаях фрейлин: обо всем подряд, умолкая только чтобы перевести дыхание или дать питья пациенту.

Поговорить можно о многом – о нелепых правилах королевского этикета, которые при небольшом желании можно вывернуть наизнанку, используя в своих интересах, о неудачной помолвке и придворных лизоблюдах, общества которых я лишена, но ничуть не жалею об этом, о балах, без которых действительно скучаю, об охоте, которая мне нравится только тем, что позволяет от души накататься верхом, а не травлей какой-то несчастной зверушки. О детстве.

Многие забывают, что в Вридланде действует особое, старинное династическое право. У нас принцесса тоже имеет право наследовать трон, становясь полноправной повелительницей. Все мы, женщины семейства Вашшек, и я в том числе, – коронованные принцессы. Естественно, наследник мужеского пола имеет преимущество, первую очередь. Но, но, но... в течение тринадцати лет я была первой и единственной наследницей короля! И соответственно получила совершенно особое воспитание. Политика, экономика, военное искусство, дипломатический этикет... и многое, многое другое. Все годы детства меня на полном серьезе готовили к коронации, ибо опасались, что у королевы больше не будет детей. Рождение моего брата Крижана ослабило давление, но не положило конца урокам. Они только сменили направленность. На подготовку к замужеству.

Но я никогда не была особенно прилежной ученицей. Меня больше влекли лесные травы и целебные настойки.

Вспоминая о прошлом, могу сказать, что подобная политика не раз оправдывала себя. Всего семьдесят лет назад, во время попытки захватить власть, была вырезана почти вся династия, но заговорщики забыли младшую дочь. Та оказалась гораздо более способной ученицей, чем я. Собранное ею ополчение довольно быстро навело порядок в государстве, не гнушаясь развешивать на суках всех, кто противился воле наследницы. Прабабка Катажина прославилась суровым, но справедливым правлением и необычайной красотой. Говорили даже, что она дочь не короля... недолго, впрочем.

На третий день эльф уже пытался сесть, кривясь от боли. В ответ на совершенно искреннее возмущение и опасения он окатил меня таким взглядом!

Высокомерие, чувство собственного превосходства над нами, жалкими людишками, пренебрежение... Вот именно за такой взгляд убивают не раздумывая! Если только наградивший – не полуживой эльф, бессильно опирающийся на стену пещеры. Тем не менее я, уперев руки в боки совсем как горничные девки, разразилась воспитательной тирадой. С таких пациентов надо сразу спесь сбивать!

– Надо было подождать меня! А если тебе, шпион, так хочется самостоятельности, то я уйду и больше не вернусь! И забуду, навечно забуду. Не шипи! – Я язвительно улыбнулась. – Разумеется, тебе гораздо лучше знать, когда и что надо делать! В собственных силах ты лучше разбираешься, да? А толику уважения к труду спасителя надо иметь? И вообще – здесь безопасно! – Я обвела пальцем пещеру. – А куда ты собрался ползти, эльф? Там, снаружи, знаешь что? Королевский лес! Хочешь снова в гости к палачу? Успокойся.

Отвернувшись от пристального, чуть насмешливого взгляда, я принялась задумчиво выгружать сегодняшнюю добычу. Незаконному налету подверглись шкафы помощника капитана дворцовой стражи, наиболее подходящего по комплекции человека. Он лишился теплого плаща, простой льняной рубахи и пары штанов. Впрочем, от этого взяточника не убудет. Думаю, он и не помнит, чем набит его гардероб. А пациента надо во что-то одеть – осень на дворе! Испытывать эльфа на морозостойкость не стоит, не яблоня он, да и воспаление легких лечить не хочется. К тому же наконец успокоится моя девичья скромность, вынуждающая меня краснеть. Еще есть и такая!

Совсем скоро эльф отправится в путь... домой. Где его дом? Не был ли он сожжен, разорен, затоптан нашими полками?! Стало грустно и тоскливо. Такие чувства, наверное, обуревают охотничьих псов, когда уходит в неведомые дали любимый хозяин. И ключевое слово здесь – любимый...

Гремучая смесь радости и надежды, поддерживаемая ощущением собственной значимости, меня уже не грели. Озноб то и дело заставлял передергивать плечами. Прежде мне не доводилось так печалиться. Впервые я была кому-то действительно нужна, принося пользу вне своих коронационных обязанностей. Как целительница. Но через несколько дней, когда стремительно заживающие раны пациента окончательно затянутся, все вернется на круги своя. Траур, церемонные чаепития, скучные разговоры, книги... Ну ладно! Не буду сейчас об

этом думать. Откинув грусть, я вытянула из кармана ножницы и развернулась.

– Раз так хочешь выбраться отсюда, будем приводить тебя в порядок, шпион! – Я кровожадно щелкнула лезвиями. Наградой мне был откровенно растерянный взгляд. – Да ты себя в зеркало видел?! Ах, категорически не рекомендую!

Наклонив голову, я прикинула объем работ. Прилично... И что делать, резать, только резать. Вот только я не горничная и раньше никого не стригла! Надеюсь, несмотря на результат, пациент будет рад оказанной ему чести. Ибо сама кронпринцесса занялась прической вражеского разведчика! Длинные волосы пришлось откромсать, иначе не скажешь, по самые уши, да и оставшийся колтун обломал немало зубьев моей расческе. Не пойму, это у эльфов мода такая на волосы по пояс или только этот создает себе такие трудности? Во время войны можно было бы и пожертвовать приличиями... Даже моя мать, царствующая королева, таких длинных не носила! Что ж, теперь и эльф приобрел практичную прическу.

С мытьем оставшихся волос проблем не возникло. Намочить, смыть губкой пенящуюся воду, еще раз намочить... По пещерке разлился густой травяной аромат дорогого мыла. Еще раз смыть, придерживая за шею бессильно откинувшего голову пациента. Мысленно хихикнула. Как в куклы играю, право слово... А он, хоть и не помогает, но не мешает творить мне что вздумается. Не верю я в его полную беспомощность... уже нет, не верю. Он смог бы помешать, но не посчитал нужным. Наверное.

Густая, цвета спелой пшеницы короткая шевелюра после активной просушки встала дыбом. Невольно сравнив со своими – неопределенно-каштановыми тонкими и тусклыми волосами, отчаянно позавидовала пребывающему в недоумении шпиону. О чем не преминула сообщить в самых изысканных выражениях. Он полулежал, опираясь на мое плечо, и глаз его не было видно, но я кожей чувствовала искреннее удивление, расходящееся волнами по пещере.

Кажется, он доволен... Устроив пациента поудобнее, я устало прикрыла глаза.

Здесь было хорошо, покойно, будто там, далеко, за лесами и полями не лилась кровь, не грохотали сапога пехоты по разрушенным мостовым, не мяли траву на чужих полянах...

Я быстро научилась понимать эльфа. Необходимость – самое лучшее подспорье.

Иногда его молчание, такое выразительное, казалось насмешливым или гневным. Очень редко – просящим... Иногда – ободряющим.

Он постоянно наблюдал. Как неловко я перетряхиваю одеяла, копаюсь в немногочисленных флаконах и фиалах, нарезаю хлеб. Слушал мои бесконечные монологи. Кажется, ему было даже смешно... иногда? Что он видел в обычной, повседневной суете, какие мысли его одолевали? О доме, семье? О мести?

Присутствие эльфа ощущалось остро, но не смущало. Он занял мои мысли полностью, без остатка. К тому же под этим внимательным взглядом я сама себе казалась более умелой, ловкой, значительной.

Заглядевшись на ладони, медленно сжимающиеся в кулаки и расслабляющиеся, я опять порезала палец. В негодовании огласила тишину пещеры парочкой выражений, которые ни в коем случае не должны осквернять уста принцессы.

На четвертый день я застала эльфа терпеливо вырезающим какую-то фигуру из тонкой дощечки. Плохо слушающиеся пальцы соскальзывали с рукояти, лезвие мелькало в опасной близости от едва зажившей кожи, но он не собирался останавливаться. Он спешил...

На следующий день светлый потребовал снять повязки с ног и попробовал встать. Я просто диву давалась, хотя отлично понимала его нежелание оставаться здесь хоть на один день дольше необходимого. Мое недовольное бурчание, кто тут врач, он или я, осталось без комментария. Действительно, если бы не шрамы, неуверенная походка и изможденный вид, никто и не сказал бы, что полдюжины дней назад этот эльф был почти мертв.

Но мне казалось, что время еще есть. Время разобраться в собственных чувствах... Это была иллюзия.

Все закончилось неожиданно резко, еще через пару дней.

Эльф уже вполне уверенно ходил, встречая меня в беседке по утрам, и примерялся к моему кинжалу, брошенному впопыхах под скамью, да так и

забытому. Блеск лезвия, охотно подчинявшегося умелым рукам, навеял идею наведаться в старый арсенал. Что я собиралась сделать? Вооружить врага... Но чей он враг? Мой? Вот уж нет.

Ночью, постоянно оглядываясь и шарахаясь от каждой подозрительной тени, я спустилась вниз. Ни придворные, ни слуги не жаловали посещениями подвалы западного крыла замка. Говорили, что там бродили привидения замученных узников. Явная глупость. Тюрьма и пыточная последние триста лет находились совсем в другом месте. Как и их охрана. По этим пыльным коридорам, освещенным редкими тусклыми желтыми огнями, редко ходили даже патрули. Сюда назначали проштрафившихся солдат, да и те отсиживались в караулке. Мрачные стены полуподвального зала, скрывающегося за пыльными скрипучими дверями, были увешаны старинным оружием. Углубляться в эту сокровищницу орудий уничтожения я не стала. Сняла с крюка ближайший ко мне клинок, тонкий и изогнутый, в ножнах, отделанных замшей, и легкий лук, по иронии – трофейный эльфийский, с полным колчаном облезлых стрел. Хм, я слышала, что тетива портится со временем...

Сколько пота и нервов мне стоило незаметно дотащить тяжелый, неудобный сверток, до конюшен, не передать! В темноте, по выщербленным ступеням подвала, по длинным извилистым коридорам до задней двери, обмирая от шороха и нервно прислушиваясь к голосам из кухонных покоев. Полночь, когда придворные развлекаются, а свободная прислуга перемывает косточки хозяевам, лучшее время для авантюры. Ну не одна я так считаю, а потому пришлось пару раз спешно нырять в темные кладовые, благо их расположение я помню. Тяжело дыша, спрятала добычу в сундуке со сбруей.

На что стали похожи мои руки?! Ссадины, царапины, порезы... Ксавия, сейчас мирно спящая в комнатке рядом с моими покоями, опять будет бурчать, щедро умащивая кожу мазью... Впрочем, я могу и сама.

За этими заботами я совсем забыла, что завтрашний день – традиционно охотничий. Только когда в ранней осенней прохладе леса раздалось гиканье и трубный глас рога, я испугалась и на миг заледенела. Натасканные гончие мигом почуют разумную дичь. И найдут! Кое-кто из охотников специально натравливал собак на пленных, дабы охота была еще интереснее. Мерзкая и кровавая забава, в Королевских лесах не поощряемая. Но лорды не позволяли гончим забыть навыки подобной травли, активно практикуя жестокую охоту в родовых имениях.

Сбросив оцепенение, я пришпорила кобылку. Сильнее, чем необходимо. А та не привыкла к такому суровому обращению. Обиженно всхрапнув, резко и нервно рванулась с тропы в лес. Я не успела пригнуться, и тяжелая еловая лапа, с размаху хлестнув по лицу, вышибла меня из седла. От резкой боли пальцы, судорожно стискивающие уздечку, разжались. Резкий рывок, короткий, захватывающий дух полет вниз, на еловую подстилку. Удар! Больно... В голове будто что-то взорвалось. Придушенный всхлип вырвался из груди. В глазах на мгновение помутилось, небо и деревья закружились в безумном хороводе. Я с трудом поднялась, понимая, что никуда, никуда не смогу дойти. Но... надо... Вся спина превратилась в сплошной комок боли, длинные раскаленные иглы терзали позвоночник. Размазывая злые слезы по исцарапанному лицу, я огляделась. Где это мерзкое животное? Вот она... тварь такая! Дрессированная... к крови приучена, а к строгости – нет! С огромным трудом я взгромоздилась в седло терпеливо ожидающей лошадки и ме-е-едленно тронулась дальше, чувствуя, как каждое ее движение отдается в теле.

О-о-х, опоздаю! И точно...

У заброшенной беседки бесновались рыжие гончие, не рискуя сунуться дальше. Их пугал труп товарки со сломанной шеей, валяющийся прямо у входа в пещерки. А через лес с противоположной стороны ломились на лай безалаберные придворные охотники. (Егеря передвигаются бесшумно.) Яростно шикнув на псов, я заставила их отступить, направляя на них лошадь, диковато косящую карим глазом. Спешилась, охнув, сняла с седла сверток и проскользнула внутрь, прислушиваясь к переключке, доносящейся из леса. С трудом различив в плывущих от боли очертаниях мира вход, вошла в первый грот. Едва двинулась вглубь, как на меня налетел стремительный вихрь, зажал рот и спеленал руки, прижав спиной к неровным камням. Пальцы разжались от боли, и тяжелая ноша с бряцаньем упала на землю. Эльф удивленно склонил голову, прислушался. Осторожно провел кончиками пальцев по расцарапанной щеке, удивленно вздернул брови. Оттянув неожиданно сильную руку от лица и преодолевая тошноту, я прошептала торопливо:

– Сегодня охота, совсем забыла, придворные развлекаются! – И всмотрелась в лицо светлого, чувствуя, как сознание медленно уплывает в спасительное забытие. В ярко-зеленые, почти изумрудные глаза...

Похоже, светлый был готов уйти в любой момент, даже не дожидаясь моего появления. Но, увы, уже категорически не успевал. Потому что снаружи послышался призывный свист, потом неторопливые шаги и удивленные возгласы. Прислонив меня к стене, эльф с недоброй, мстительной улыбкой принялся разворачивать сверток. С сомнением отложил лук и ласково взвесил в руке ятаган, примериваясь...

– Ты... что? – Меня охватил страх, за него и за себя.

Полыхнув удушливой ненавистью, он протащил меня в дальнюю пещерку, запихал в щель и метнулся назад. Пока прошла тошнота и боль перестала вспыхивать при каждом движении, пока я осторожно, хватаясь за стены, выползла в беседку, все уже кончилось. Затихли шум и крики, и воцарилась мертвая тишина. Сжав виски, я прогнала муть перед глазами, разглядывая залитую кровью поляну. Эльф стоял посреди десятка трупов, равнодушно попирая ногой хладнокровно добитое в спину тело. О-ох, теперь я верю злым легендам!

Бессильно опустив руки, я стояла на пороге, и слезы текли по щекам, соленая влага щипала кожу.

Смерть, смерть, смерть, удушливый аромат крови... Почему это так... несправедливо? Может, был другой выход? Но какой? Я пыталась что-то придумать – и не могла. И все равно это неправильно... Война – не выход.

Недотепы-охотники не успели даже понять, что их убило. В Королевском лесу не встретишь даже медведя, что уж говорить о живой легенде, кровожадной и пылающей ненавистью. У них не было ни единого шанса! Кто-то пытался убежать, но не ушел ни один. Гибким кошачьим движением эльф развернулся ко мне. Невольно отшатнувшись, я увидела угасающее темное пламя в зеленых глазах с вертикальным зрачком... Скольких солдат он положил, прежде чем его повязали, если такое творит, едва поднявшись на ноги? На меня накатила паника. Что же такое я спасла, вновь выпустив в мир?! И не уничтожит ли нас эта неконтролируемая сила? Сколько в действительности жизней было положено на алтарь наших побед и чем были оплачены поражения?

Чего стоил мой мир? Мой мир? Мой?! Нет, не хочу... не хочу такого... ничего не хочу!

Что-то такое проступило у меня на лице, потому что светлый неожиданно ободряюще улыбнулся краешками губ, боевой транс стекал с него как вода, как маска. Отчаяние отступило, ушло... И я внезапно поняла, что пропала. Скажите, ведь невозможно полюбить улыбку убийцы, забрызганного еще дымящейся на холоде кровью сородичей? Кровью тех, кто виноват только в том, что оказался не в то время не в том месте.

Ведь нельзя?

Привалившись к плетеной стене беседки, я бессильно следила, как эльф выносит уже разложенные по сверткам вещи, бесцеремонно нагружает косящую диким глазом лошадь. Мою! Стук крови отдавался тупой болью в висках, в душе поднималось странное разочарование. И это все? Отчаяния больше не было, осталась только безнадежность... Все кончилось.

Выглядела я жалко, далеко не по-королевски.

Эльф, подойдя ближе, взял мою вялую руку, вложил что-то в безвольную ладонь и крепко сжал пальцы. Я удивилась неожиданному изяществу сильной руки, его горячему прикосновению. Пока я, восторгнувшись, разглядывала искусно вырезанный полупрозрачный кленовый лист на простом кожаном шнурке, мягкие шаги затихли... Когда подняла взгляд, поляна уже была пуста.

Война длилась еще долгих пять лет. Объединившись, племена нелюдей уперлись намертво на границе Туманного каньона и под руководством новых союзников, эрреани, неожиданно начали двигаться вперед. Наступать, возвращая утраченные земли, а потом и захватывая исконные человеческие. Война уже не была такой кровопролитной, но все же собрала изрядную жатву на наших территориях. Мечом и магией пройдясь по городам и весям, отряды эльфов и орков осадили столицы. Но никогда, никогда они не опускались до бессмысленной жестокости. Вот так бесславно и кончилась эта авантюра. И все же, почему эрреани вышли из многовекового затворничества?

Потом был Совет, мирный договор и жребий, по которому восемь девушек должны были отправиться заложницами мира в союзные племена. Все жаждали спокойствия, и мы – не самая большая цена, которую пришлось заплатить. Гнев простого люда мог доделать то, чего не пожелали союзные племена, считая

остатки армий в простой и беспощадной жажде покоя. Кое-где, как я слышала, под конец войны едва ли не с распростертыми объятиями встречали солдат противника, сдавая села и открывая настежь ворота городов. Даже регулярные части массово начали складывать оружие при виде нелюдей. Не из страха, нет, из жажды мира!

За эти годы не прошло ни дня, когда бы я не боялась за жизнь моего эльфа. Смешно, но я даже не знала его имени! Иногда мне снились спокойные, как озеро, зеленые глаза, но чаще я просыпалась в поту от кошмаров. Крепко же меня привязала спасенная жизнь! Не раз и не два я жалела об этом, но не хотела ничего изменить, нося ныне по праву прозвище Целительница.

Через мои руки прошло немало раненые и искалеченных в битвах людей. И не только людей. Старый дворцовый целитель с удивлением обнаружил во мне прилежную ученицу. И когда я выезжала с ним в окрестные леса и селения, не только крестьяне были моими пациентами. Во мне пробудилась какая-то особая чувствительность, позволявшая обнаружить то израненную дриаду, случайно пропущенную охотниками, то лису, попавшую в капкан. Закрыв глаза, можно почувствовать биение жизни даже в полусохшем дубе и подарить ему новую жизнь. В такие моменты, среди заснеженного леса или окруженная нежными луговыми ароматами, я не жалела ни о балах, ни о пикниках, ни о легкомысленном флирте. Колодец жизни потихоньку наполнялся, когда пришло время уезжать.

Завтра я узнаю, была ли моя тревога напрасной, не зря ли я с нетерпением ожидала мира?

Встречу ли я его?

Узнает ли?

Протянет ли мне руку?

Уведет ли за собой?

Узнаю...

Кто покажет мне эльфийские леса?

Глава 3

КОШЕЧКА, МЯГКАЯ ЛАПКА, ОСТРЫЙ КОГОТОК

Каттина Лаисса, младшая ненаследная принцесса Меронии, племянница короля

– Скажите, Ромар, она хоть понимает, куда и почему ее отправляют? И что ее там ожидает?

– Откровенно говоря, не поручусь. Скорее всего, ее высочество просто считает это большой интересной прогулкой. Или капризом дорогого дядюшки.

– Ей хотя бы объясняли?

– А как же! И она даже согласилась! Но вы когда-нибудь разговаривали с ней о чем-то, не связанном с ее драгоценной внешностью? Так вот, когда эта принцесса смотрит на тебя своими зелеными глазами и благосклонно кивает, кажется, что свет в глазах – от солнца, проходящего через дыру в затылке! В лице ни грана понимания.

– Н-да...

– Эдакое простодушное, легкомысленное, избалованное создание, озабоченное внешностью, нарядами... и мужчинами. Кошка озабоченная.

– Ну и... дурочка, простите за выражение... Значит, до нее так и не дошло?!

– Нет!

Это мнение мог бы легко оспорить бессменный хранитель Королевской библиотеки, на протяжении последних пяти лет выдававший занимательную литературу на руки ее высочеству.[4 - То, что политика – дело грязное, подлое и совершенно не соотносимое с содержанием рыцарских романов, которые положено читать благородным девицам, я подозревала давно, но окончательно мои иллюзии развеялись в тот день, когда на охоте меня сбросила норовистая лошадка. До этой злосчастной прогулки я считала, что жизнь не так уж плоха. Мне исполнилось пятнадцать лет, да еще мне оказал высочайшее внимание наследник престола. Проще говоря, он самым наглым способом соблазнил меня, и неподобающим незамужним леди делом мы занимались именно в день моего рождения. В защиту принца следует сказать, что я ни капли не ломалась, а скорее томилась нереализованным желанием. И любопытством. И мне это понравилось. Всю неделю мы тайком встречались в гроте и предавались... ммм... утехам. Жизнь виделась чередой приятных встреч и страстных объятий. Но на охоте меня сбросила лошадь. И, лежа на ароматных шелковых простынях, я услышала очень интересный разговор. Ну если совсем честно, я подслушивала. Очнувшись в сумраке дворцовых покоев с гудящей головой и пересохшими, потрескавшимися губами, я не нашла воды. Графин бы пуст, и я легко соскользнула с постели и медленно двинулась по полутемной анфиладе, скользя кончиками пальцев вдоль стены. Неразборчивые слова привлекли мое внимание, я, вслушиваясь, замерла за пыльной бархатной портьерой. Дословно уже не помню... пусть будет так.– Жениться он вздумал! На придворной фифочке, и даже несовершеннолетней... когда на днях сговоренная невеста приезжает!– Но, может, не стоило так радикально... девочка могла пострадать.– Так этот сопляк уперся... Люблю! Женюсь! И наплевать на политику! И что ты переживаешь? Ничего с соплячкой твоей не случится, полежит дней десять... пока свадьбу сыграем. И наследничек рыпаться не будет, опасаясь за жизнь своей красавицы. А за ней ты присмотри. Если начнет мешать, не посмотрю, что внучка, родная кровь. Не помню, как оказалась в постели. Сидя под балдахинном, тербила косу. Думала. Надо же... жениться вздумал! На мне! Глупец! И моего согласия не спросил, наверняка посчитав за великую честь, и пренебрег династическими обязанностями! И почему я не радовалась? Потому что из-за этого желания, пусть и греющего приятно душу, могло случиться... Я передернулась. Не будь под копытами лошади мягкой, рыхлой земли, сломала бы шею! Глупец! А мне... придется обезопасить себя. Как? И от чего? Ну от особого внимания дедушки-короля. Особым потрясением его слова для меня не были. Ведь придворные что шакалы, всегда готовы наброситься на неудачника, так чем же самый высокородный лорд лучше? Но чтоб самой оказаться вроде песчинки на жерновах политики? Брр... Никому не желаю.– Милочка, что ж ты сидишь? – всплеснула руками, с тревогой заглядывая в мои невидящие глаза,

вошедшая сиделка.– Пить... хочу, – с задержкой пробормотала я.– С тобой все в порядке? – пощупав шишку на затылке, пробормотала она.В порядке, не в порядке... А это идея!– Голова... болит. – Я закатила глаза.Провалявшись в горячке три дня, я пропустила пышную свадьбу и выработала новую стратегию выживания.Играть в политику – бесперспективное занятие. А вот играть политиками... в постели – вполне возможно. Пара невзначай брошенных во время флирта фраз, глупая болтовня в объятиях очередного любовника. Внимание к деталям и слухи, слухи, чужие и собственноручно запущенные в оборот.Старший конюх, подпоивший мою лошадь особым отваром, был уволен с позором. Один граф, пытавшийся подвигнуть дедушку на крайние меры, отправился в опалу. Наследник был обсмеян толпой молодых любопытных фрейлин.А мне понравились... мужчины и игры. Некие изменения в поведении были списаны врачами на сотрясение мозга в результате несчастного случая...Однажды, лениво прошептав пару фраз на ухо одному камергеру, я спасла от виселицы невиновного... а, подарив ночь тайному советнику, случайно помогла пережить покушение молоденькому наследнику больших имений. Но это лирика. Поговорим о мужчинах. (Из записок придворной куртизанки.)]

Я внимательно оглядывалась, сохраняя беззаботное и чуточку глуповатое выражение лица. Кузина Мелита, наряженная благородной леди, маялась от жары. Смешно... До сего знаменательного момента я никогда не видела ее в платье. Селея Тирландская выглядела откровенно больной. Говорят, она немного не в своем уме. Очень может быть. Валья Сирина из сожженной Альруны по-прежнему демонстрировала миру свою стервозную самоуверенность, а Сина э-Харрез, разговаривающая с ней, только что не тряслась от страха. Это она-то, с рождения воспитываемая как воин! Близняшки из Дривлена с любопытством озирались. Лесов, что ли, никогда не видели? Их страна на две трети из них состоит! Кронпринцесса Мажена полна спокойного отрешенного ожидания, безучастно глядя куда-то в пространство. Прекрасная компания, жертвы на заклатие! Как в народе говорят – отрезанный ломоть!

И правда, жарковато... вот и мысли вовсе не ту направленность приняли. Негативную. О чем бы приятном подумать, а? Хм...

Что касается меня, я слегка завидовала Мелите. Любопытно, какие они – легендарные эрреани? Такие страшные, как описывали оставшиеся в живых ветераны головного полка? Если здраво рассудить, то вряд ли. Скорее те монстры были отличной иллюзией. Так что ничего герцогине не грозит.

Еще я слегка опасалась, мало ли... Сколько зла наши солдаты причинили тем же эльфам? Настолько ли они внимательны и жестоки, чтобы отыгрываться на незащищенных женщинах? Я бы не удивилась.

Изящно взмахнув веером, я отогнала что-то летающее. Не хватало еще, чтобы меня покусали эти твари. Мысли разбредались в разные стороны от скуки, спина немного ныла от непривычно долгого сидения на лошади. Хорошо еще, что я не безговорила верховыми прогулками в прошлой, дворцовой жизни.

Странно, зачем выплачивать контрибуции принцессами? Чья это идея? Точнее, приказ. Какая от нас может быть польза? Да и заложники из нас получатся не особенно полезные. Не бесценные, а обесцененные! К тому же короли хорошо сэкономят на нас, каждая принцесса идет примерно за десятую часть денежных выплат.

Какая же я циничная вредина!

К тому же темным эльфам, чьи земли тянутся от Ущелья Туманов до самых степей, разве нужна новая забота – обихаживать мое капризное и нежное высочество... хотя какие они темные, если они Горные?

И я лелею скромную мечту о том, что сказки о кровожадных безумных нелюдях – действительно сказки. А то, что происходило порой на поле боя, – вынужденная и равноценная человеческой жестокость.

О-ла-ла!

А вот и наши новые хозяева... А драконы ничего, правда, рогатые. Хм... интересно, разлучат ли близнецов? Прощайте, хохотушки...

Мы с вридландской принцессой уходили с пограничной поляны предпоследними, оставляя Мелиту в напряженном ожидании. Жаль, я так и не увижу легендарных Полукровок.

В сопровождении молчаливого эскорта мы долго плутали по тенистым лесным тропкам Границы. Граница – это широкая полоса зачарованной земли, тянущаяся по равнинам и предгорьям вдоль Великих гор, с востока на запад, и

ограждающая владения оборотней, драконов, вампиров, эльфов и прочих малых народов от людей. Путешествовать по ней трудно, особенно имея нехорошие намерения относительно жителей той стороны. Она запутает, заморочит и заведет вас в болото, овраг или лежбище нежити. А может сократить путь, и тогда путешествие, на которое потребно убить неделю, а то и две, займет пару часов. Как раз тот случай.

Неторопливо перебирая копытами, лошадка пристроилась за черным меринком кронпринцессы. И я сосредоточилась именно на ней, потому что, думается, на своих новых... хозяев еще нагляжусь. Ну и что мы имеем? Напряженное ожидание, выдаваемое прямой, затянутой в темный церемониальный шелк спиной. Судорожно стиснутые на поводьях пальцы, безостановочно рыщущий по сторонам взгляд. Отчаяние, сдобренное толикой надежды. Уже сворачивая за своими смуглыми провожатыми с пограничной на другую, выложенную желтым камнем тропу, я успела заметить, как неприметное лицо выехавшей на большую поляну принцессы вспыхивает искренней радостью и облегчением. Она знает кого-то из встречающих ее светлых? Интересно, но бесперспективно. Мы больше не увидимся.

Копыта коней бодро цокали по камню, нарушая начинающую действовать мне на нервы тишину. Смуглые, изящные эльфы, с внушающей зависть элегантною небрежностью сидящие на животных, один вид которых вызвал бы у нашего конюшего неконтролируемое слюноотделение. Наверное, можно было бы хотя бы представиться и сообщить, куда мы направляемся! А то это молчаливое, тщательно сдерживаемое презрение, густо замешанное на ненависти, раздражает невероятно. Хотя и вполне объяснимо. Надеюсь, до рукоприкладства не дойдет, а на оскорбления у меня найдется что сказать. Кстати, думаю, ущербным дурочкам многое прощают даже здесь.

И хорошо, что ясная улыбка не покидает моих губ, даже когда я думаю о вещах, весьма далеких от приписываемых мне молвой. За многие годы тренировок она превратилась в привычную, не требующую ни малейшего усилия маску.

– Господа эльфы, мы еще долго будем ехать? Мне бы хотелось прервать наше занимательное путешествие и полюбоваться на птичек... – произнесла я, манерно поправляя пару локонов, выбившихся из прически.

Даже спина едущего впереди стража показалась мне ошарашенной. На миг оглянувшись, я убедилась, что и двое других демонстрируют неподобающие

темным эльфам эмоции.

– Каких птичек? – осторожно спросил один из них.

– Да вон тех, разве вы не слышите?

– Простите, ваше высочество, но мы просто конвой до приграничного портала... это уже близко... – раздалось сзади.

Я обернулась, поджав губы.

– Недалеко... ну ладно... подожду. А птицы все же прекрасны... – пропела я, мечтательно улыбнувшись. А на лицах эльфов поселилось недоумение, смешанное со смутным подозрением в здравости моего рассудка. Что и требовалось.

И это у них называется близко! Через час блужданий по лесу мы выехали на большую, выложенную желтыми плитами поляну, где нас ожидали... М-да, наверное, эльфы. Темные... Мой почетный эскорт поспешил исчезнуть среди деревьев.

К троим оставшимся на поляне мужчинам стоило приглядеться повнимательнее. Вот этот – самый высокий, смуглый и зеленоглазый, светлые волосы убраны в длинную косу, судя по совершенно не функциональной, длинной мантии, – маг. Отчего они так любят эти просторные, путающиеся в ногах одеяния? Двое других – в удобных замшевых куртках, в своем роде не менее примечательные. Оба – синеглазые, с тонкими, изящными чертами лица, сильные и гибкие. Воин и стрелок, надо думать. Классическая тройка... Золотисто-рыжие волосы стрелка коротко острижены, иссиня-черные воина заплетены во множество тоненьких косичек, пышной волной спускающихся до пояса. Все трое красивы совершенно чужеродной, холодноватой красотой. Из оружия – только короткие кинжалы на поясе. Ну и лук в чехле за спиной у стрелка.

Довольно долго они просто молча рассматривали меня, сохраняя полную невозмутимость и блокируясь. И что дальше? Склонив голову к плечу, я произнесла, всплеснув руками:

– Кто-нибудь из вас, благородные господа, поможет леди спешиться? Ибо я уже неподобающе долгое время нахожусь на этом животном, – тут я брезгливо сморщила нос, – без возможности привести себя в порядок.

Они встрепнулись, и рыжий выдвинулся вперед, протягивая руку:

– Конечно, конечно, простите наше замешательство, – он легко снял меня с седла, – мы просто были ослеплены вашей красотой.

Я игриво шлепнула его по руке сложенным веером и мило улыбнулась:

– Не преувеличивайте моих достоинств, о Высокий Темный!

За сим, разумеется, последовали уверения в полной искренности и сравнения моей персоны с ясной зарей, юной розой и прочие приятные моему слуху эпитеты. Ну-ну... у меня каштановые, с рыжинкой волосы, большие зеленые, с желтыми искорками глаза, точеное личико и губки бантиком. Тонкая талия, нежная белейшая кожа и прочие достоинства, от вида которых все мужчины пускают слюни. Но чтоб эльфы?!

Тем не менее ничего нового рыжий мне не сказал.

– Так когда же я получу возможность удалиться в свои покои? – Я изящным движением поправила прическу, прерывая излишества эльфа. Мы неторопливо прохаживались по краю поляны. Изогнувшись, я продемонстрировала грудь великолепной (не хвастаюсь!) формы в вырезе жакета, краем глаза наблюдая за магом, что-то колдующим в центре поляны, и презрительной усмешкой черноволосого. Не интересуется? Не любит разбитных девиц? Догадывается о том, что это игра? Хотя с чего бы?

– Уже совсем скоро мы отправимся дальше... ваше высочество.

– Опять верхом? – Я капризно надула губы.

– Что вы, прямым телепортом в столицу! Вас ожидает самый торжественный прием.

– Замечательно! – Я взмахнула руками. – Я так люблю танцевать!

Черноволосый отчетливо фыркнул, а рыжий довольно улыбнулся. Надеешься, что произвел на меня впечатление? Мы замерли напротив мага, наблюдая за возникновением гигантской серой воронки. Она медленно раскручивалась, штопором ввинчиваясь в пространство.

– Я пойду первым, – деловито пояснил стрелок, – затем вы, ваше высочество, а следом все остальные.

Он коротко поклонился, шагая в портал. Черноволосый подхватил под уздцы мою лошадку, маг напряженно молчал, удерживая портал, покрывающий немалое расстояние. Рыжий начал постепенно истончаться и, неожиданно превратившись в ослепительно сияющую искру, исчез в бесконечно малой точке пространства. Я неторопливо двинулась вперед, приглядываясь. Кажется, воронка слегка изменила цвет и скорость вращения? Может, так и надо?

– Скорее же, – раздалось сзади, и я послушно нырнула в портал. Меня закружило, по всему телу прошли болезненные судороги. Сознание помутилось. Пару раз встряхнув, воронка грубо вышвырнула меня... куда-то.

И я конечно же не видела, как, грязно ругнувшись, черноволосый эльф прыгнул вперед, ныряя в пошедшую вразнос воронку, полыхнувшую всеми цветами радуги, а еще чуть позже маг обессиленно рухнул на землю, попытавшись отследить вектор вмешательства. Откашлявшись, он встал, мрачно помянул каких-то богов и попытался связаться со столицей, дабы сообщить о необходимости организовать поиски младшей принцессы Каттины Лаиссы и Иллана Речного, рейнджера.

Это место мало напоминало[5 - Почему-то человеческая наука упорно делит эльфов (или ael'lvii) на светлых и темных, по оттенку кожи. Хотя правильнее было бы использовать для классификации кланов природные магические способности, которыми в той или иной степени наделены все эльфы. По той самой легендарной магии. Следуя этой куда более логичной классификации, светлых следует именовать лесными, ибо их сфера – магия земли и жизни. Они прекрасно обращаются с любыми растениями, дающими после их уговоров по два урожая в год. Им подчиняются духи любых лесов, рощ и полей. Прекрасно

ладят с дриадами. Обитают, естественно, под сенью деревьев. А конкретно, в местах произрастания Великого восточного леса. Темные кланы состоят из трех немногочисленных родов. Горных, речных и степных. Первые предпочитают работать с камнем и металлом, подчиняя стихии воздуха и огонь. Причем зачатые ими мечи, особенно гномьейковки, практически несокрушимы. Кстати, они прекрасно ладят с подгорными коротышками, несмотря на многочисленные слухи об их непроходящей вражде. Из особо одаренных представителей родов выходят боевые маги немыслимой по человеческим меркам мощи. Степные кланы практически исчезли с лица мира, но перед этим, смешав свою кровь с дриадской, породили новую расу – бич Харрии и Тирланда – орков. Свое умение ориентироваться в степи и пустыне, укротить или подчинить любого хищника передали они своим потомкам. Встречающиеся изредка одиночки – лучшие охотники, следопыты и воры. Речные кланы также малочисленны и предпочитают селиться у рек и озер, прекрасно находят общий язык со всеми речными и морскими тварями. Даже с драконами воды. Работают со стихией воды и иногда – воздуха. Встречаются прекрасные маги-погодники. Малая их численность объясняется очень просто – многочисленными проигранными войнами в прошлом. В целом следует сказать, что эльфы – долгоживущие существа, по продолжительности жизни сравнимые с драконами. Все без исключения – мощные проецирующие эмпаты (с возрастом возможно развитие этой способности до двусторонней управляемости), с отличной реакцией и выдающимися способностями к регенерации. В боевом трансе воин способен положить до полусотни солдат-людей. Столицу и обещанную торжественную встречу. Ведь подобное мероприятие предполагает наличие какого-либо населения? А я оказалась на каменистой насыпи, полого спускающейся к холодной бурной речушке. Насколько хватало глаз, вокруг простирались горы. Противоположный берег – сплошь отвесные скалы и зубчатые пики. Под ногами – мелкое галечное крошево, чуть позади – редкие валуны и чахлые кусты, которыми поросли пологие холмы, прерывающиеся каменными осыпями. Еще дальше назад – горные пики, припорошенные снегом и льдом.

Явно не Фрей-ди-Сеон, столица темных.

Стоя на берегу, я тупо смотрела на пенистые барашки волн, перекатывающиеся через камни в русле. Что делать-то?! Неизвестно где, в легкой амазонке, изящных туфельках на тонком каблучке и с придворной прической... блеск!

Сзади неожиданно раздался шорох, и я, оборачиваясь, испуганно отскочила прямо в ледяную воду. Уф! С высокой гребенчатой насыпи, осыпающейся под

ногами, торопливо съезжал знакомый черноволосый эльф. Вот, оступившись, он нырнул вперед, но, извернувшись, грациозно приземлился на относительно надежный участок рядом со мной. Протянув руку, резко выдернул опешившую меня из речки.

– От меня – ни на шаг! – приказал он.

Похоже, все еще серьезнее, чем я думала.

Небольшой костерок, мирно догорающий в расселине, согревал и навевал иллюзию безопасности.

День сложился на редкость неудачно. Вняв торопливым объяснениям эльфа, я целый час покорно плелась за пробирающимся вниз по течению рейнджером до подходящей, на его весьма придирчивый взгляд, расселины. Я два раза упала, разбила колено и сломала каблук. Потом под его надзором обдирала прошлогодний мох с валунов и собирала разбросанный по берегу хворост. Для этого самого несчастного костра!

Прощай, маникюр!

И напоследок я порезала руку, пытаюсь выпотрошить выловленную в речке рыбку. Фу!! Сейчас она медленно прожаривалась над тускло мерцающими углями. И не спорила, когда он безапелляционно отдавал короткие приказы, со всей возможной скоростью выполняя их. Только молча кляла жребий, отправивший сюда меня, а не задиристую и умелую Сину.

Ненавижу горы.

И вот теперь, сидя у костра, я молча проводила ревизию своих царапин, а сидящий напротив эльф, нахмутив брови, изучал разложенный на камнях арсенал. Да, небогато. Два ножа в кастетах, полупустая фляжка, моток тонкой веревки, какие-то флаконы, хитроумная зажигалка и набор отравленных дротиков.

Кстати... Запустив руки в прическу, я обнаружила, что все четыре длинные и острые посеребренные шпильки с алмазными головками прекрасно пережили путешествие. Осторожно вытащила их, и волосы рассыпались густым водопадом. Переплести в косу, что ли...

– Скажите, о высокий, что произошло, – начала я, рассчитывая получить более конкретные объяснения.

– Иллан.

– Что, простите?

– Меня зовут Иллан, – четко пояснил эльф. Прекрасно! Целый вечер положенного по придворному этикету обращения, и я уже знаю имя моего сопровождающего.

– О Иллан, скажите же мне, почему мы оказались здесь, а не в столице? И кто ответствен за то, – я подобрала юбку, озабоченно глядя на левое колено, – что моя внешность так серьезно пострадала?

– Почему? – Он расслабленно откинулся на камень, внимательно меня разглядывая. В темно-синих глазах эльфа появилось странное тоскливое выражение. Или обреченное? Этот нахал сомневается, что я пойму его объяснения? – Произошел сбой в стационарном портале, и нас выкинуло в необитаемой части Великих гор.

– Да-а... – Я непонимающе хлопнула ресницами в ответ на его взгляд. – Ваш маг, он что, не очень умелый?

– Нормальный. Умелый да искусный был тот, кто запустил блуждающий Хват, способный пустить вразнос любой стационарный портал.

– И что теперь делать?

– Этих мест не знаю даже я, – пожал плечами эльф, – пойдем пешком вниз по течению и дней через пять выйдем... куда-нибудь.

– Пешком... – совершенно искренне простонала я, четко осознавая свои возможности. – А разве нельзя дождаться, пока нас найдут, и телепортом... чик! – Я звонко прищелкнула пальцами. – Прямо на место?

– Нет, – резко оборвал мои мечтания Иллан, – в окрестностях стоит такая сильная блокировка и накинута хитрая маскировка, что в ней завязают все поисковые импульсы. Нас не найдут. Более того, из этих гор явно изгнаны все духи... горные, водяные, воздушные. Даже рейлен-хи[6 - Рейлен-хи – дракон Воды.] покинули эти места. И магия здесь не подчинится никому, кроме...

– Кого? – перебила я эльфа.

– Хозяина! Так что ножками, ножками, и побыстрее... – неожиданно с насмешкой закончил он.

Зря ты смеешься. Ведь это значит, что и ты не сможешь воспользоваться своими наверняка многочисленными способностями, рейнджер.

Томно потянувшись, я принялась заплетать косу. Сказать какую-нибудь глупость, что ли? Интересно, поймет ли он шутку?

– Это будет очень романтичная прогулка. На руках у красавца эльфа, – через некоторое время пробормотала я, мечтательно прикрывая глаза.

Иллан сперва несколько оторопело на меня уставился, а затем искренне расхохотался. У него оказался красивый, проникновенный голос.

– И вовсе вы не дурочка, младшая принцесса.

Ничего не ответив, а лишь загадочно улыбнувшись, я принялась распускать корсет. Ах, какую битву с предубеждениями мне пришлось выдержать, дабы портной сделал шнуровку спереди. Не полагается благородной леди носить платьев, как у простолюдинок, не имеющих прислуги, способной помочь с одеждой! Глупая традиция...

Из плотных матерчатых чехлов я неторопливо извлекла длинные и тонкие стальные полоски, в моем случае заменяющие пластинки китового уса.

Смотрящему во все глаза на это действие эльфа жеманно пояснила:

– Папочка настоял, что во имя безопасности следует пренебречь удобствами... – Вранье чистой воды. Моя идея!

Местами эти пластинки были весьма остро отточены, помня об этом, приходилось так или иначе сохранять королевскую осанку. Аккуратно отложив полоски в сторону, я принялась умачиваться около костерка, собираясь хоть немного поспать. Иллан подобрал железки... Хитрая конструкция гномьих мастеров, воплощенная умелыми руками столичного мастера, если ее собрать правильно, превращалась в длинный острый нож в стальном кастете, с неудобной, плоской рукоятью, что, впрочем, легко было исправить при помощи двух деревяшек.

Утром, пересчитав появившиеся после ночевки синяки (считала я), мы двинулись дальше. Эльф был на зависть бодр и свеж, а мне было холодно, голодно и больно. В горах стояла пока только ранняя весна, и, послушав некоторое время, как я выстукиваю зубами пехотный марш, Иллан одолжил мне куртку. С благодарным кивком я натянула теплое, достающее почти до колен одеяние, источающее аромат степных трав. Дело пошло быстрее, но не особенно. Я брела на полном автомате, цепляясь взглядом за светлую вышитую рубашку и длинные черные косички. От реки поднимался туман, подол платья постоянно цеплялся то за камни, то за кусты, и к полудню окончательно превратился в художественные лохмотья. Грязные. Потом развалились туфли и заболели ноги, и, как я и предсказывала, стала реальностью прогулка на руках у эльфа. С тяжелым вздохом подхватив меня – я стояла, тоскливо глядя в землю, – Иллан прибавил ходу. Он мерно шагал по камням, не выказывая признаков усталости, и я, склонив голову на его плечо, крепко уснула.

К позору моему, выпалась я отлично. И проснулась уже в опускающейся на горы тьме, на мягком песке у тусклого костра. Даже с бесполезным грузом в моем лице эльф проделал немалый путь. И сейчас сидел рядом, беспокоило вглядываясь в ночь. Приоткрыв глаза, я наблюдала. Гибкие, легкие движения, но чувствуется скрытая сила. Будто сжатая пружина. На лицо время от времени набегала тревожная тень, но темно-синие глаза старались не пропускать наружу ни единого всплеска чувств, темным клубком свернувшихся в его душе. Он просто не позволял себе сомневаться в благополучном исходе путешествия. Тем не менее жестко заблокированные эмоции яснее говорили о наших огромных проблемах, чем самая мощная проекция.

Что бы такое сказать? Комплимент, например... Отвлекающий внимание. Сладко потянувшись, я села:

– Скажите, Иллан, как случилось, что именно вы оказались здесь?

Эльф вздернул тонкую бровь.

– Вы явно заслуживаете большего, чем сопровождение леди, пусть даже и высокородной, из одного места в другое. Вы так красивы... – мечтательно промурлыкала я. Скажу не кривя душой, я и сама бы не отказалась... воплотить в жизнь кое-какие фривольные мечты, застрявшие в моей голове.

Надо было видеть его лицо! Если эльф о чем и думал, то после моих слов...

– Я не простой сопровождающий, а старший тройки Свободного поиска.

– А что это такое? – Мне действительно было интересно. Отряды Свободного поиска – это страшная легенда для новобранцев.

Разговор получился интересный. Я мило улыбалась, хлопала длинными ресницами и поддакивала к месту... делала круглые глаза, сочувственно охала и ахала, мимоходом узнавая много нового.

Горечь наполняла рассказ эльфа, слова выплескивались на меня, окрашенные яркими красками отчаяния и безнадежности. Поражения и победы слились в песне, способной отравить душу. Если бы она у меня была.

В первые же годы войны для разведки на территории людей было сформировано особое подразделение Свободного поиска. Туда набирали группами по трое: маг, воин и стрелок. Лучшие из лучших... смертники. Потери среди этого подразделения достигали двух третей от общей численности. Иллан Речной, Линиас Охотник и Эллан, маг, составили одну из лучших троек. Они выжили вопреки всему. И именно им доверили встретить и сопроводить до столицы почетную гостью. А они не справились.

Они шли, движимые местью... за родных, друзей и знакомых. Иллану эта война стоила брата, стоявшего на страже в пограничье, сестры, защищавшей Реаль-ди-

Наль, жены и сына, с отрядом в полсотни дриад пытавшихся защитить Дубовые рощи. Окаменевшее лицо эльфа прекрасно поведало мне все, чего я не хотела знать... Лучше окунуться в самую жаркую ненависть, чем ощутить эту абсолютную, гулкую пустоту... и понимать, что виновники подобного опустошения вряд ли будут наказаны.

Я пропускала через себя эмоции, скрытые в движениях, взгляде. Нельзя копить в себе такое. Чревато срывом.

И все же, кто был настолько силен, что играючи нарушил работу умелого, опытного мага? Не хотелось бы встречаться!

Горы менялись. Хотя я и не чувствовала их, как исконные обитатели, все же заметила, что ущелье, по которому бежит речка, становится все уже и глубже, а приближающаяся отвесная стена постепенно сталкивает нас в воду. На этот раз мы расположились на последнем песчаном пятачке, под нависающей козырьком скалой. Завтра придется двигаться прямо по воде, чего Иллан категорически не хочет, или лезть в горы. К тому же моя способность самостоятельно передвигаться по этим скалам вызывала у меня огромные сомнения. А по горам тащить меня эльф вряд ли возьмется. Жуть, ее высочество Каттина Лаисса на закорках у рейнджера.

А горы, величественные и прекрасные, молчаливо наблюдали за нами. Отвесные скалы, пики, усыпанные снегом... их даже нельзя было сравнивать с меронийским Отвалом, пологими холмами, поросшими корявыми соснами. Пустынные, угрожающие пространства, наполненные неимоверно прозрачным морозным воздухом.

Мне все же понравились Великие горы.

– Вставайте, – услышала я сквозь дрему встревоженный голос, – быстро уходим!

Заря только-только занималась, а эльф уже тормозил меня, настороженно поглядывая по сторонам.

– Ку-уда-а-а? – спросила я, зевая и потягиваясь.

– Вверх...

– Как?!

– Жить хочешь? Полезешь.

Вот так вот. Сон с меня как рукой сняло.

И началась безумная предрассветная гонка. Я торопливо и неловко карабкалась вверх, а иногда раздраженный эльф буквально закидывал меня на очередной уступ. Во мне рождалось подозрение, что я здорово его задерживаю и только чувство долга не позволяет ему бросить меня здесь и... уходить. За что я ему очень признательна. Пуще всею меня подгоняло то, что Иллан перестал блокироваться... Накатывающие волнами отчаяние, раздражение, мрачная обреченность и жгучий азарт битвы заставили меня взобраться на узкий карниз. Сбив нога в кровь и распроставшись с остатками юбок, я торопливо бросилась вперед по узкой тропинке, вьющейся среди скал, ни на мгновение не задумавшись о тех, кто ее протоптал. Сзади что-то зло шипел эльф, опять подгоняя меня... в душе разрастался иррациональный страх.

А потом нас гнало рычание, торжествующий вой, надсадные хрипы и топот множества ног внизу, все более приближающиеся, ужасающие своей отчетливостью...

В ответ на мой панический взгляд Иллан только пожал плечами:

– Горные тролли.

Не чуя под собой ног, я ринулась дальше. Скалистые утесы слились в единую серую пелену. Надсадное дыхание раздирало грудь. Обернувшись, заметила, что черноволосый эльф настороженно пятится, не сводя глаз с дороги.

Ах, мама-а! Взмахнув руками, я удержала равновесие на самом краю обрыва. Тропа неожиданно кончилась, свежие сколы чернели между двух гигантских столбов, обозначавших недавно обрушенный мост над пропастью. Эльф

стремительно обернулся на мой визг, поводя совершенно дикими глазами, и, уже проваливаясь в боевой транс, одним мощным движением забросил меня на самый верх. Удар о ровную поверхность на миг перебил дыхание.

Появление первого тролля я пропустила, несмотря на отличный обзор, потому что просто тупо сидела в двухметровом блюде и судорожно хватала ртом воздух.

Вот Иллан спокойно стоит у столба, расслабленно опустив руки с ножами. Резкий рывок и протяжный, быстро затихший где-то далеко внизу визг. Скосив глаза, я заметила странное копошение на вспененной валунами воде.

Неожиданно эльф оказался в гуще тощих полутораметровых тварей, заросших светлыми волосами по самые брови и вооруженных короткими копьями и дубинками. Эти дикие родичи вполне цивилизованного малого народа равнинных троллей славились мерзким нравом и каннибализмом. Как их много... слишком много даже для этого эльфа. Усталого эльфа.

Я напряженно следила за черной встрепанной гривой волос, мелькающей на тропе, впервые за много лет шепча полузабытые слова молитвы. Нападающих всего пятеро, но вон кто-то уже карабкается по скалам, намереваясь прыгнуть сверху. С трудом поспевая взглядом за стремительными движениями Иллана, вижу, как он раз за разом отбрасывает тварей назад, но... Бессильно прикусив губу, замечаю пропущенный удар, и в разлетающиеся по ущелью кровавые брызги добавляется еще один ручеек. С противоположной стены с визгом срывается гроздь троллей, погребая под собой сражающихся, и завязывается драка уже между ними. А вся эта шевелящаяся, визжащая и рвущая друг друга на клочки куча начинает медленно сползать к обрыву. Мелькнули черные косички эльфа... и, смешавшись, груда существ с рвущим барабанные перепонки воем рухнула вниз.

Только теперь, в мертвенной тишине, я услышала свой собственный пронзительный крик. Захлебнулась воздухом и замолкла, расширенными глазами уставившись на опустевшую тропу. Сердце бешено стучало, в голове пульсировала боль... затем горы вокруг закружились, все быстрее и быстрее... и я самым позорным образом провалилась в глубокий обморок.

Хорошо, что я и так сидела.

Лежать было неожиданно мягко, тепло и уютно. Пахло фиалками... Мой любимый аромат. Но почему мне кажется, что это неправильно? Под пушистым меховым одеялом я отогрелась и, потянувшись, лениво приоткрыла глаза.

– А-а-а! – закричала я скорее от неожиданности и резко отшатнулась назад.

О, моя голова! Из темноты на меня выплыло худое морщинистое лицо с белесыми глазами и грязными спутанными космами на голове. Прошамкав что-то беззубым ртом и обдав ароматом никогда не чищенных зубов, оно убралось куда-то назад. Приподнявшись, я нащупала меховой полог, за которым это и скрылось, отодвинула, и маленький тесный альков залил холодный и тусклый голубоватый свет.

Мельком отметив, что с меня сняли все лохмотья и переодели в длинный серый балахон из небеленого полотна, чуть отдающий плесенью, как после долгого хранения, я машинально проверила прическу. В спутанных волосах прятались еще две булавки.

Надув губы, высунулась наружу.

Тут же меня окружили мерзкие старые тролли и троллихи, обряженные в такие же серые балахоны, но без рукавов. Они что-то лопотали, тыкая в меня пальцами, дергая за волосы и щипая. Я брезгливо уворачивалась и, отбиваясь от явно похотливых поползновений, шипела, как разъяренная кошка. Внезапно в пещере раздались тяжелые шаги и резкий окрик:

– А ну вон отсюда! – по-эльфийски... В груди замерло и бешено застучало сердце.

Тролли резво прыснули в разные стороны, освобождая дорогу хозяину.

– Так, так, так, что тут у нас? – перешел он на человеческий диалект.

Гибко изогнувшись, я встала с колен, опираясь на предложенную руку. Быстро оглядевшись, с милой полуулыбкой обратила взгляд на того, встречи с кем мы всеми силами пытались избежать. А кто это еще может быть, скажите? Только хозяин.

– Ай-ай, какая красавица, – статный эльф принял мои пальчики в ладонь, – и в таком виде... Что же случилось?

– Простите, но мы не представлены! – Я торопливо отдернула руку.

Он склонился передо мной в безупречном глубоком придворном поклоне:

– Севеллин Роулен, отшельник. А вы...

– Младшая ненаследная принцесса меронийского королевства, Каттина Лаисса. – Я присела в коротком реверансе, обворожительно улыбаясь.

– Так как же случилось, что ваша обворожительная внешность претерпела столь трагические изменения?

– О, это была прекрасная верховая прогулка, пока какой-то маг не ошибся во время волшебства... а потом этот противный эльф куда-то меня все тащил, тащил и тащил... – плаксиво пожаловалась я. – Порвалось мое платье, сломались каблучки... а макияж! А прическа! Это было просто ужасно!

– Ну ничего, красавица. – Он подошел близко-близко, провел по щеке холодным пальцем, взял меня за подбородок, приподнимая вверх лицо... другой рукой собственнически погладил спину, сверху вниз... – Ваши лишения были ужасны, но уже закончились. И совсем скоро мы что-нибудь придумаем, дабы облегчить страдания ваших прекрасных ножек.

– О, я буду вам так, так благодарна! – с придыханием воскликнула я, подаваясь вперед и прижимаясь вплотную, так, чтобы этот отшельник ощутил все мои достоинства.

– погоди, киска, посиди пока. – Эльф похлопал меня пониже спины. – Тебе сейчас подадут поесть.

Никто никогда не узнает, чего мне стоило сохранить на лице пустую, соблазнительную улыбку.

Потому что этот высокий, тонколицый изящный эльф одним своим видом внушал ужас и полнейшее отторжение. Длинные, песочного цвета волосы, перехваченные простым ремешком, ниспадали почти до пояса, широко расставленные раскосые глаза какого-то тусклого, блекло-зеленого оттенка смотрели на мир с высокомерным презрением. Он был... фанатично подчинен одному ему ведомой идее, заставляющей совершать странные и страшные поступки.

И еще...

На противоположной стене пещеры, служащей сразу и жильем, и лабораторией, был распят Иллан. Эльф был пришпилен к стене, будто препарируемая лягушка, и плотно прижат к камням странной, крупноячеистой сетью. Так плотно, что ее нити до крови врезались в ладони, грудь и щеку. И выглядел он... плохо. Вывернутая под неестественным углом нога, спутанные, грязные волосы, измазанное в засохшей крови лицо. Лихорадочно блестящие глаза. Из-под натянутой нити медленно вытекала алая струйка.

Вяло ковыряясь в принесенных тролленком фруктах, я тоскливо смотрела в сторону выхода и краем уха слушала ласковые речи отступника. Это наречие я разбирала с пятого на десятое, но особых знаний, чтобы понять смысл довольных речей, не требовалось...

– А кто же тут у нас? Очень даже неплохо... аэрдонае... хотя ливериани предпочтительней. Но мы и для тебя найдем применение. Ай-ай-ай, даже не пытайся, эти сети способны удержать даже каменного великана. Не дергайся, красавчик, я сцежу совсем немного, для анализа... А принцесска твоя очень даже ничего, хотя и безмозглая. Ты успел ее попробовать? Ну конечно, мы же благородные... Я займусь ею прямо здесь, чтоб тебе не было скучно. А потом и для нее найдется крайне интересное применение, хоть она и не девица. Это глупое суеверие, что во множестве ритуалов нужна невинная королевская кровь. А ты... Я заберу твою жизнь медленно, по капле. И каждой клеточкой своего тела ты будешь чувствовать, как боль вытягивает из тебя силу жизни... Чего молчишь? Гордый? Это хорошо.

Даже если бы я не знала, кто такой Севеллин Роулен, не понимала эльфийского наречия, то по одному тону и манере разговора я могла бы догадаться об

ожидающей нас мерзкой участи. Ужас на мгновение пригасил надежду. Старуха притащила мешок, набитый косметикой. Расчески и гребни, пилочки и щипчики, баночки с мазями, кремами и притираниями... обилие и разнообразие которых наводили на нехорошие мысли о том, что случилось с их бывшими владелицами, скорее всего, окончившими дни в котлах троллей. Во время войны никто не вел учета количества сбоев телепортов...[7 - Единственный за всю многовековую историю эльфийских кланов некромаг. Изгой и отступник, более пятисот лет назад покинувший Лес, дабы никто не смел мешать ему... Замучивший не одну сотню разумных существ ради обладания призрачным могуществом смерти.]

Увлеченно накладывая модный маникюр, я старательно сохраняла глуповато-сосредоточенное выражение лица. Приняв соблазнительную позу, что было нелегко, краем глаза посматривала в сторону неторопливо размечающего каменный пол хозяина.

Распятый на стене Иллан, кажется, невозмутимо наблюдал за зловещими приготовлениями, еще на что-то надеясь... на что?! Заметив, как передо мной поставили кувшинчик с каким-то напитком, он отрицательно дернул головой. Да я и не собиралась... Мне удалось незаметно слить вино под шкуры, устилающие возвышение в алькове, и припрятать там же странные гибриды сливы и яблока.

Колдун тем временем вырисовывал на гладком камне прямо напротив эльфа серебряную фигуру – треугольник в круге – и заполнял свободное пространство рунами с помощью широкой мягкой кисти из человеческого волоса, что-то при том напевая. Вот кто явно любит свою работу!

Закончив, он поднялся, критически оглядел свое произведение и довольно хмыкнул. Сняв с шеи амулет – золотой пятилистник, аккуратно выложил его в центр рисунка. Подошел к черноволосому элфу и резко полоснул того по запястьям. Вниз живо побежали струйки крови, скапливаясь в углублениях у стены и медленно растекаясь по узким канавкам вокруг рисунка. Роулен встал напротив, широко раскинув руки, и затянул что-то заунывное на Древнейшем наречии. В стекающей на пол крови начали посверкивать серебристые искорки.

У входа послышался шум. Обернувшись, я заметила, как обеспокоенные тролли один за другим исчезают в надвигающейся темноте.

А в сгустившемся до состояния тумана воздухе пещеры происходило нечто странное. Вместе с серебристыми струйками крови из эльфа уходила жизнь, сила... молодость. Да, даже они подвержены действию времени, но то, что краем глаза наблюдала я, должно происходить в течение долгих столетий. Смуглая кожа начала сереть, глаза запали, и на лицо легла сеть морщин. В спутанных темных волосах начала медленно проступать седина. Иллан напряженно закусил губу, пытаясь, наверное, регенерировать разрезы на запястьях.

– Хватит пока, – неожиданно с усмешкой сказал отступник, прерывая тягучее пение и забирая из круга пятилистник. – Теперь можно и твоей подружкой заняться.

Ну что же, я готова! В груди тугим холодным комом свернулась змея решимости. Ярко-розовые ногти, неброский макияж... Выдернув из волос две последние шпильки, я распустила волосы. Густой каштановой волной они легли на плечи. Игра на жизнь еще не закончена! Вальяжно, как кошка, разлегшись в нише, я позволила балахону выгодно обрисовать фигуру и обнажила ноги едва ли не по колено. В кулаке было крепко зажато мое оружие. Закрыла глаза и задышала ровно и глубоко, как будто спала. Надо только выждать подходящего момента...

– Моя красавица, вы всем довольны? – раздалось рядом.

– О да! – Я потянулась, зевая, сонно улыбнулась и присела. – Так приятно, когда все необходимое предоставляется по первому требованию. Я вам так благодарна! – пропела с восторженным вдохновением, поднимаясь на ноги.

– И насколько далеко распространяется ваша благодарность, красавица?

– Она безгранична, – выдохнула я, позволяя увлечь себя на рисунок, уже прикрытый белым полотном.

– Вас не смущает то, что мы не одни?

Мельком глянув на измученного Иллана, я сосредоточилась на отступнике.

– Мы с ним не настолько близко знакомы... – прошептала я. – А с вами... желаю... пообщаться более... плотно.

Изгой между тем жадно шарил руками по моему податливо изгибающемуся, покорно лнущему к нему телу. Поцелуи были настойчивыми, жадными, почти грубыми... В другой ситуации я бы не позволила ему даже коснуться себя.

Внутренне содрогаясь, я отвечала на ласки со всей подобающей страстностью. Это было несложно, но противно. Привычка... да и устроена я очень примитивно. Ни один мой любовник даже не заподозрил обмана и какого-либо постороннего интереса... потому что желание, вспыхивающее во мне, всегда было подлинным. Кроме этого раза.

Мой конек – провокационный безудержный флирт, и это правда, что я меняю любовников каждый месяц.

А отступник, похоже, не видел женщин годами.

Прижав меня к полу, эльф задрал мой балахон и жадно приник губами к груди, оставляя на нежной коже синяки. Сорвав с шеи, нетерпеливо отбросил в сторону мешающий ему пятилистник, нежно звякнувший при ударе о камень.

Выгнувшись, я приобняла Роулена, впившись взглядом прямо в Иллана... на мгновение прикрыла глаза, тяжело дыша и шепча что-то неразборчивое. Затаив дыхание, занесла правую руку и с силой вонзила шпильки в шею отступнику. Надломила головки... Брызги крови веером разлетелись по белой ткани.

Время остановилось.

В густой тишине он поднял на меня бесцветные глаза. Недоверие на его лице вдруг сменилось жуткой яростной гримасой понимания.

– Дрянь! – прошипел отступник, вскакивая и отшвыривая меня к противоположной стене. Судорожно изогнувшись, он попытался нащупать иглы, засевшие в основании черепа. Извлек одну, вторую, брезгливо отбросил окровавленные острия. Его лицо начало подергиваться, он, с удивлением глядя на трясущиеся руки, выдохнул: – Тва-арь! – И медленно двинулся ко мне.

Двух игл явно недостаточно... Не дыша, я загнанно замерла у стены, пристально вглядываясь в его лицо. От оглушающей ярости некроманта, изливавшейся на

меня, подкашивались ноги, но я не отводила глаз. Смотри, смотри на меня! Я твой враг! Только чтобы он не заметил происходящего прямо за спиной. Пока эти налившиеся кровью глаза со зрачком, сузившимся в тонкую нить, обращены ко мне, пока серо-синие бескровные губы обещают мне быстрый и мучительный конец, он не увидит...

Я бы убежала, но куда?!

...он не увидит, как ритмично напрягаются мышцы на руках распятого эльфа. Стиснув зубы, Иллан методично пытался освободиться. Вот наш единственный шанс. Последнее, что я заметила, мелкая каменная крошка, посыпавшаяся из-под креплений. Затем все заслонило ненавидящее лицо изгой.

Схватив меня за горло, он начал потихоньку приподнимать меня над землей, медленно, с садистским удовольствием сдавливая шею. Инстинктивно вцепившись в эту руку, я попыталась ослабить захват. Из рта вырвался нечленораздельный хрип, в глазах потемнело. Я уже простилась с жизнью, когда хватка неожиданно разжалась. Мешком рухнув на камни, мучительно закашлялась.

На полу в яростном объятии сцепились двое. Происходящее ничуть не походило на турниры и придворные дуэли, знакомые мне. Два диких горных кота выясняли отношения, терзая друг друга. Ключьями летели обрывки одежды и волос. Молча, страшно... выламывали руки, дробили ребра. Некромант попытался выдавить глаз оседлавшему его Иллану, а тот методично рвал горло противника. Внезапно сильным рывком изгой отшвырнул черноволосого далеко назад и ринулся вглубь пещеры. Чудом приземлившись на ноги, Иллан одним прыжком догнал его, повалил и, схватив за волосы, принялся яростно лупить головой о гранит.

Пока я пыталась подняться, под руку попало что-то острое. Машинально сжав это в кулак, отчего по руке прошла судорога и под кожей разлилось онемение, встала. Испуганно попыталась разжать пальцы и поняла, что вообще не чувствую руки. Да что же это? Закашлялась, и, потирая шею, я устало оперлась на стену. Не киснуть... шансы выбраться еще есть. Справа раздался смачный хруст, и все затихло. Я торопливо обернулась. Иллан с потерянным видом сидел над телом мертвого изгой. Точно мертвого? Подбежав ближе (откуда силы сразу взялись?), я заметила вывернутую под неестественным углом шею. Со сломанным позвоночником не живут... люди. А эльфы? И для гарантии надо бы...

Иллан устало поднял голову, посмотрел на меня долгим, задумчивым взглядом:

– Что было у тебя в булавках, принцесса?

– Яд змеи Ше, – пожала я плечами. Кому нужны эти подробности?

– Ну-ну, подарок любимого папочки, полагаю... – Он с трудом поднялся на ноги и, сильно припадая на левую ногу, двинулся в дальний конец пещеры, где из стены бил маленький родничок. Опустился на колено, складывая ладони лодочкой, и принялся нашептывать струе ледяной воды что-то ласковое на Древнейшем наречии.

Как он со сломанной ногой ходит?

Старый проржавевший меч из сваленной у выхода кучи оказался неожиданно тяжелым и острым. Доволочив его до трупа, с трудом воздела его над головой, придерживая онемевшей рукой, и с силой опустила вниз. С первого раза попала! Меч звякнул о камень, и голова мертвеца отделилась от тела.

– Для гарантии... – озвучила я свою мысль недоуменно обернувшемуся эльфу.

– Быстро уходим! – прошептал он, потянув меня за руку.

На выходе нас ожидала очередная проблема в виде стойбища горных троллей ниже по склону горы, от которого к пещере шла превосходно утоптанная дорога. В сумерках можно было разглядеть узкую тропинку, огибающую скалу и убегающую куда-то вверх.

– За мной. – Иллан дернул меня за руку. Я не спорила, слыша за спиной странный нарастающий гул.

Увидев нас, тролли заорали, но мы уже торопливо карабкались вверх, убираясь с пути торжествующе ревущего потока воды. Я на мгновение обернулась. Из широкого зева пещеры хлестал мощный поток, сбивая с ног погоню и устремляясь вниз, к стойбищу. Несколько ледяных капель, долетевших до нас, заставили меня вздрогнуть.

– Договорился с драконом Воды, – сказал рейнджер, подталкивая меня в спину. – Скорее, это ненадолго.

И мы шли, шли, шли вверх. Попавшегося на пути тролля эльф одним движением смел в пропасть. Через бесконечно долгий промежуток времени, глубокой ночью мы устало замерли на очередном гребне. Я давно бросила считать синяки, а эльф все сильнее хромотал и глухо кашлял, тайком утирая выступающую на губах кровь.

Когда прямо перед нами возникла знакомая серая воронка портала, мы, не раздумывая, шагнули вперед, взявшись за руки.

Это было похоже на сон. Станный, но приятный. Мягкая изумрудная травка на поляне посреди хвойного леса. Толпа встревоженных эльфов. Двое знакомых и почти родных – светловолосый и рыжий – бросившиеся к выхаркивающему кровавые клочья легких Иллану, рухнувшему на колени, едва закончился переход. Целители... маги.

Я медленно оседаю на землю, чувствуя, как покидает меня придававший сил иррациональный страх. Теперь все будет... хорошо. Только не падать в обморок... позор. Тревожные вопросы о самочувствии от двух бестолково толкущихся рядом эльфиек. Отмахнувшись от них, я уставилась в пространство. Состояние, хорошо знакомое тем, кто постоянно недосыпает... рассеянно-сосредоточенное. Звон в ушах и замедленные движения. Все видится будто бы сквозь туман, но сознание кристально ясное, отгороженное от реальности прочной стеной.

– С вами все в порядке, ваше высочество? – Вопрос слышу будто бы издалека или через толстый слой ткани.

Еще дальше и глуше льется звонкая и плавная эльфийская речь. Улавливаю только отдельные слова в тихом фоне...

– ...ренегат... выпил силу...

– ...исцеление? – С надеждой.

– ...возможно ли вернуть...

– Но послушайте, я не ощущаю пустоты, вся сила...

– Где?

– Здесь...

Я, кивнув невпопад, медленно разжала все еще стиснутую в кулак ладонь. Вот почему меч был такой тяжелый... Одной рукой его тащила! Вот что впивалось в пальцы во время сумасшедшего бега, не давая сознанию уплыть.

– Иллан, – позвала умирающим голосом. – Иллан!

На ладони лежал хрупкий на вид золотистый пятилистник тонкой работы.

– Не трогайте, – крикнул кто-то. – На нем печать изгоя!

– Почему же...

– Они его убили... Это наследство. Одно на двоих... неделимое... – тихо прошептал рыжий эльф, удерживая своего друга.

Синеглазый нетерпеливо отмахнулся от него, приподнимаясь на локте. Глянул удивленно на меня, отрешенно взирающую на небо, затем на амулет.

– Неужели тот самый? Утащила? – прошептал он. Я смущенно кивнула. – Кошка ты моя зеленоглазая, мягкая лапка, острый коготок! Я на тебе женюсь! Носи на здоровье.

Стена, отделявшая меня от мира, рухнула, когда он сжал мои пальцы в кулак. В глазах эльфа мелькнула едкая усмешка. Да как он посмел! Впрочем, поговорим об этом предложении потом! Отдернув руку, я фыркнула, гордо выгнув спину:

– Больно надо! – И продолжила: – Тем не менее, о высокие лорды и леди, нет ли здесь того, кто сопроводит меня к месту, где я наконец смогу привести в

надлежащий порядок свою несравненную внешность?

Нашлись и такие.

Все кончилось. Только, знаете, Иллан Речной, похоже, не шутил.

Глава 4

КРУГ ЖИЗНИ

Кронпринцесса Мажена. Вридланд

Ах, если вы спросите, чего я ожидала от этой встречи, отвечу честно: не знала, не знала, чего ждать, на что надеяться. Увижу ли я его? Смогу ли взглянуть в его глаза? И обнаружить в них нечто связующее нас в единое целое... нечто большее, чем благодарность.

Не знала.

Разум мне не изменял, в отличие от мятущихся чувств, и понимание того, что между нами ничего нет и быть не может, вовсе не грозило неожиданно обрушиться на меня и уничтожить всякую надежду на чудо. Надежду, ростки которой я бережно лелеяла вопреки всему.

О чем мечталось мне? О дружеском кивке, о мимолетной улыбке. Казалось, этого более чем достаточно. Ведь нас связывали всего несколько дней, которые он провел в пещере, пока мои неумелые руки пытались помочь ему выжить.

Я даже не знала его имени. Это покажется кому-то смешным, но я считаю, что эти сведения из тех, что далеко не так важны в подобной ситуации.

Жив ли он?

Не знала, не знала, не знала... я много чего не знала. Но была во мне и гордость... проклятая королевская гордость.

И потому, увидев его, я не кинулась с воплем радости ему на шею, не оросила рубашку слезами радости и облегчения. Насколько все было бы проще! Но внутри только растаял лед бесконечно долгого ожидания.

Он был жив. И это самое главное. Хвала богам, теперь и я смогу жить, сбросив с души оковы зимнего холода. Жить, не моля богов поминутно о милости. А боль... боль конечно же останется со мной, и телесная, и душевная. Вечное напоминание.

А эльфийские леса... показала мне новая семья.

Задумчиво поглаживаю резной кленовый лист на тонком шелковом шнурке, прячущийся под сорочкой. Порой мне казалось, что он все еще хранит тепло рук, создавших его. Памятный подарок. Прикрыв глаза, я подставила лицо солнцу.

И в краткий миг слабости пожалела о том, что сумела сдержать рвущуюся из души при виде моего эльфа радость. Может быть... все сложилось бы иначе? Но как?

Непрошенные слезы притаились в уголках глаз.

Что страшнее – нынешнее чуточку дружелюбное равнодушие или возможное недоумение, которое заставило бы его отшатнуться и исчезнуть даже с горизонта моего существования? А других вариантов нет и не было никогда.

Но хватит предаваться жалости и унынию... хватит! Я – кронпринцесса, и гордость для меня – не пустой звук. Что было, то было, а что будет, никому не известно.

Капля счастья, капля боли, капля ненависти, капля уважения. Из них складывается любая жизнь. Капли превращаются в струйки, затем ручьи, реки, бурные потоки, причудливо смешиваясь и порождая нечто совершенно иное.

Хотя, конечно, в ней, в настоящей жизни, гораздо больше граней и оттенков. Но то другие жизни и другие люди, а я... мой поток обмелел, ибо ушла ненависть, осталось в прошлом уважение, а счастье... где оно? Впереди?

Нет, я не несчастна, я лишь довольствуюсь тем, что имею. Этому меня научили хорошо.

Я живу, я люблю, я знаю, что тот, к кому жаждет обратиться мое мятежное сердце, рядом. Совсем близко, достаточно сделать несколько сотен шагов по тенистой тропе.

А что творится в его душе, мне неведомо. Да и стоит ли рваться туда, где тебя не ждут? В чужую душу? Где же счастье? Мы рядом, но вместе никогда не будем... хотя счастье не в взаимности, которая встречается редко, очень редко, особенно среди облеченных властью. Счастье в осознании собственного предназначения, в искреннем признании самому себе, что чувствуешь и ощущаешь, в ожидании, в надежде... в счастье любимого! Но... счастлив ли он? Потому что если счастлив он, то и я... спокойна. Большого не дано? Ну что же, последние годы меня научили довольствоваться малым. Но счастлив ли мой эльф? И этого не скажу точно, но вряд ли. Нечто странное, затаившееся в его душе, не дает мне покоя. Нечто, заставляющее его тщательно сдерживать проецируемые на окружающих эмоции, задумчиво прикрывать глаза и горько кривить губы. А мне остается лишь следить краем глаза за тем, как он, хмурясь, проходит мимо, и мечтать.

И наступит ли то благословенное время, когда боль потерь утихнет, освободив пепелища душ для нового посева?

Я не знаю.

Пусть так... но пока со мной оставалась только боль. До того дня, когда все изменилось, раз и навсегда.

(Из дневника Мажены)

Неторопливо шагая по тенистой тропе, я предавалась грустным мыслям о собственной судьбе и вспоминала последние события. Хотя о чем грустить? Я живу в прекрасном доме, окружена роскошью, на эльфийский, правда, манер, и бесконечной вереницей слуг в полном соответствии с новообретенным статусом Старшей дочери одного из Лесных Домов. До того было короткое, но мучительное путешествие и не менее мучительное, в ином роде, прощание с родными. Мать не плакала, положение не позволяло, но сухой, горячий взгляд, брошенный на прощание, сказал мне очень многое. В этот миг я пожалела, что в последние годы мы отдалились друг от друга. А вот брат не стеснялся в проявлении чувств, и хотя на официальной церемонии ему удалось сохранить спокойствие, горе его было неподдельным. Отец же... он король, и ему тем более не пристало проявлять чувства. В нем были жалость, горечь, ярость, недовольство... и расчет, сопровождающий каждое действие облеченной властью персоны. Меня он, несомненно, любил, но это не помешало ему поступить, как велели победители. Так и надо, благо государства превыше всего... Я никого не виню, четко осознавая свой долг.

Иное дело, что разные люди воспринимают это по-разному. И благо государства у них прежде всего ассоциируется с собственным благополучием. Это не так. И часто приходится жертвовать... многим, и собой в том числе.

Нам нужен был мир. Любой ценой. А если ценой оказались принцессы... Что такого, нами всегда расплачивались. За помощь, за территории, за союзы.

Ненавижу лицемеров, предлагавших мне замужество!

Ненавижу за попытку отобрать у меня единственный шанс попасть к нелюдям!

Ненавижу жадных, глупых, рвущихся вверх любой ценой карьеристов. Наивно считавших, что я не хотела приносить себя в жертву. А я хотела... и поехала, и все вытерпела. Ради мига искренней радости, когда, обежав глазами поляну, где стояли встречающие меня эльфы, заметила его среди высокородных старейшин, приветствовавших меня на широкой светлой поляне.

И вот теперь меня терзала скука. Здесь, в лесу, у каждого обитателя было дело. Все, от мала до велика, принимали участие в восстановлении сожженного, разрушенного, растоптанного... и только я одна принуждена была маяться

бездельем.

Или это не скука?

Скорее невозможность применить знания и умения, накопленные за последние несколько лет. Я хотела приносить пользу. Но кому? Кому здесь нужно целительское искусство высокородной врачевательницы? Никому! Здесь хватало более опытных и умелых магов. Но призвание тянуло и манило, не давая проводить время в бездеятельности и неге.

Я просыпалась рано утром от ноющей боли в спине, с трудом поднималась и, заварив в чайничке ароматные травы, смотрела в окно. Раньше это было широкое, в свинцовом переплете дворцовое, а теперь – одно из множества узких проемов, затянутых зеленой листвой. Мертвые каменные стены, от которых вечно тянуло холодом, сменились дышащим теплом и гладкими полами живых эльфийских домов. Большие и маленькие, они были разбросаны по лесу, казалось, совершенно случайным образом, то образуя поляны, то сливаясь с густыми зарослями берез, тополей, ясеней, дубов.

Дома я бы отправилась в лес, поле или близлежащую деревню, где вовсе даже не подозревали о том, что регулярно посещающая их целительница самая настоящая принцесса. А ныне я брала полную флягу ключевой воды и шла в сторону выжженных дотла земель Реаль-ди-Наль. Это совсем рядом с домом, где я живу. Раньше, до войны, раскинувшееся под сенью дубов, увенчанное цветущими башенками одноэтажное здание с множеством переходов притворялось настоящим загородным поместьем. Сейчас в нем обитал многочисленный, шумный и удивительно дружелюбно настроенный ко всем род, полный полукровок. Речные и горные, лесные и степные эльфы смешивали кровь, создавали семьи, растили детей. Дом Дубового Корня, принявший меня с неожиданным радушием, славился тем, что принимал любого под сень родового Древа. Вот только я никак не могла, да и не хотела вступить под нее.

Вежливо улыбаясь милой юной эльфочке, так искренне желавшей услужить, сделать приятное и просто помочь, что никак невозможно было отказать ей в желании накормить меня завтраком, я исчезала за поворотом тропы.

Каждый день, вот уже два месяца подряд, я проделываю этот путь. Полчаса быстрым шагом для любого эльфа, для меня – почти полтора аккуратного

неторопливого и даже величавого передвижения. Чуть быстрее и чуть резче – и меня скручивает резкий приступ боли, от которой немеют ноги и хочется отчаянно выть в полный голос.

И ни на что большее я не гожусь... только поднести воды тем, кто в поте лица день за днем высаживает на месте сожженных деревьев новые, восстанавливает лес. Как грустно и горько... Я действительно хочу помочь. Ведь это сильно утомляет, потому что с каждым саженцем надо поделиться собственной силой, чтоб он прижился, пустил корни и начал впитывать соки из земли, как хорошо удобренной пеплом и кровью.

Ненавижу войну! Эта ясная и четкая мысль всегда возникает в голове, когда я выхожу на припекающее солнце и иду между рядов молодых деревьев. Огромное, изрытое воронками, засыпанное пеплом пространство, сквозь который пробивается робкая зелень, тянется и тянется до возвышающихся вдалеке посеревших руин столичных башен, более не поражающих пурпурно-алой расцветкой.

Ненавижу войну! Столица держалась долго, жители ее сражались отчаянно, но это были не леса, где светлые просто невидимы среди деревьев! Да и сам лес поддался безжалостному магическому огню, сжирающему все на своем пути. И не смог защитить город, построенный из камня, скрепленного вместо раствора мхом, возведенный гномами и темными эльфами специально для того, чтоб все прочие расы чувствовали себя более комфортно в гостях.

Вот и они, мои светлые эльфы. Сейчас, устало сидя в тени и рассеянно перебрасываясь словами, они вовсе не напоминают ни канонические образцы красоты, ни смертельно опасных воинов. Потные, полуголые, руки, по локоть измазанные в земле... Сейчас это просто жители, пытающиеся восстановить разрушенное. Сегодня их совсем мало, всего семеро, остальные, похоже, отправились к Реаль-ди-Наль. И мой бывший пациент – тоже. Жаль. Я надеялась...

Надеялась.

На что? Увидеть, вновь окунуться в спокойное, благожелательное настроение, убедиться, что это не сон, что мой эльф выжил. Мой эльф... Нет, скорее я – его. Принадлежу ему полностью, без остатка! Да, это и было основной причиной

того, что я каждый день приходила сюда. Надо признаться хотя бы в этом самой себе, раз и навсегда. Мне хочется видеть его, хотя бы иногда, и ради этого я пойду на очень многое.

Я сдержанно улыбнулась, передавая старшему из рабочих воду, куда добавила пару капель лимонного сока. Душу почти не затронули слова благодарности, привычно слетевшие с уст полужнакомого светловолосого воина. А вот когда я появилась здесь первый раз, меня едва не раздавил вихрь эмоций. Но что для меня были негодование, раздражение, ярость, недоумение, едва не сбившие с ног, когда я знала, ради кого я здесь.

Кивнув и вежливо ответив на пару вопросов о самочувствии, я собралась идти назад.

Эльфы красивы, несомненно, вновь подумала я, но теперь далеко не все. Война собирала кровавую жатву не только жизнями и судьбами, но еще и лицами.

Но странно, никто из эльфов, не успевших восстановиться, не страдал от своих увечий и не понимал необходимости ограничивать свои возможности. А все остальные... Общество не считало их ущербными, но ненавязчиво помогало. Как это отличалось от происходящего среди людей, когда порой оставшиеся в живых завидовали мертвым. Но я рада, что они справляются.

Внезапно от леса донесся встревоженный крик какой-то птицы. Эльфы встрепенулись. Только что они лениво прятались в тени, и вот встревоженно вскочили. А со стороны развалин столицы донеслось басовитое гудение, глухой гул, тяжелый удар. Затем пришла воздушная волна, всколыхнувшая молодую листву. И снова тишина, напряженная, выжидающая. На миг окаменев, аel'vii торопливо ринулись в сторону разрушенного города. Гибкие невысокие фигуры быстро скрылись из вида, а я упрямо спешила следом, подобрав пышные юбки. Туфли глухо стучали по камням. Что там случилось? В душе разрасталось знакомое беспокойство. Скорее! Я перескакивала с холма на холм, минуя провалы и разломы. Торопись, изнемогая от тревоги, вопила душа. Там нужна твоя помощь!

Это война, с горечью оглядев развалины, подумала я. Война опять собирает свою страшную дань. Все еще страдают невинные и невиновные. У закопченных

каменных стен неожиданно взорвалась магическая мина, заложенная еще при штурме. Тот, кто ее заложил, погиб раньше, чем сумел активировать, и когда предохранители истончились, она отозвалась на слабые чары, которые и были предназначены для поиска таких вот сюрпризов.

Роковое стечение обстоятельств. Открывшаяся воронка перемолола десяток не успевших отскочить разведчиков, выбросив с другой стороны в клубящуюся черную пыль полумертвые окровавленные тела. Вторая вспышка блокировала всю магию в радиусе более лиги.

Люди были горазды на выдумку в этой войне. Ненавижу... тех, кто, оправдывая изобретение таких вот орудий уничтожения, говорил, что на войне все средства хороши, что цель оправдывает средства!

Едва я отвела взор от вызвавшей всплеск яростного негодования картины, инстинкт, преодолевая сопротивление болезненно изогнувшегося тела, буквально швырнул меня вперед, в толпу суесящихся вокруг раненых эльфов. Я могу помочь!

Кровь, всюду кровь... Из молодого полукровки она изливалась вниз ровным мощным потоком и мгновенно впитывалась в запорошенную пеплом землю. Кто-то безуспешно пытался остановить живительную влагу. Быстрее. Не так! Сильнее!

А главная беда этих мин в том, что они блокировали и естественные способности к регенерации, а потому срочно нужны были целители. Лучшие целители. Те, что не полагаются на силу магии больше, чем на мастерство собственных рук. Но телепорты сейчас не сработают, и переносить пострадавших нельзя, да и некогда. Хорошо, что действие мины было ослаблено временем. Хорошо, что подобные этой мины встречались очень редко, но все же надеюсь, что изобретателя боги лишат права на перерождение.

Лавируя между уцелевшими, я безошибочно выбрала того, у кого самые тяжелые ранения. Того, чья жизнь висела на тончайшем волоске. Впрочем, большинство из них балансирует на узкой грани между жизнью и смертью. Самым краем сознания отметила знакомое присутствие. Жив...

Время! Глухая ненависть всколыхнулась последний раз и угасла, уступая место расчетливому спокойствию. Я знаю, что делать. Опустившись на колени и не обращая внимания на нелепые попытки отогнать меня с помощью не совсем понятных ругательств, цедимых сквозь стиснутые зубы, я перехватила замершие в неопределенности руки, безуспешно пытающиеся помочь. Тремя движениями мне удалось остановить кровь, хлещущую из рваной раны на боку, и отправить впавшего в шоковое состояние раненого в забытие. Придержала чужие руки, одну из них положила поверх своей и велела безапелляционно:

– Держи крепче!

И поспешила к следующему раненому, в угаре проснувшегося призвания не замечая протестов собственного тела, пачкая в крови роскошные юбки, едва не теряя сознание от беснующихся в воздухе эмоций. Неожиданно ощутила в пальцах холод изогнутой стальной иглы. И принялась быстро стягивать края раны, торопливо сметывая их прямо так... на живом, чувствующем теле. Выправляла и складывала раздробленные кости, отмечая краем сознания, что помощь все-таки явилась.

Из-за ворота платья вывалился мой кулон. Мой талисман. Кленовый лист на шелковом шнурке мерно покачивался, мешая работе. Оставляя кровавые следы на коже, убрала его назад и, подняв голову, наткнулась на пристальный взгляд помощника. Растерянно улыбнулась, смутилась и, залившись болезненным румянцем, вернулась к работе.

Я и не заметила, кто ассистирует мне. Как странно. И хорошо, что нет времени на разговоры, выяснение намерений и истинных мыслей. Потому что впервые со дня приезда я не увидела в его лице спокойной благожелательности. Жадное любопытство, напряженное внимание, раздражение, даже злость. Почему?

Время слилось в единый густой поток, нельзя было отвлечься и взглянуть, не появилось ли в его глазах прежнее равнодушие. Но все когда-нибудь кончается.

Устало зажмурившись, я встала с колен, передавая вахту подоспевшей целительнице в светло-зеленой мантии. Голова кружилась, спина ныла, в уши будто набили ваты. Поймав задумчивый взгляд помощника, отступила на пару шагов...

Из равномерно гудящих вокруг голосов неожиданно вычленился чей-то резкий окрик:

– Шеллиан! Ты мне нужен!

Мой эльф, на мгновение замерев рядом, досадливо тряхнул головой и исчез в толпе.

Шеллиан. Красивое имя. Но мне, кажется, пора домой.

Сделав несколько шагов по направлению к лесу, я замерла. Спину будто пронзила раскаленная игла, на глаза навернулись слезы. Напряженно расправив плечи, с трудом переставляя ноги, я двинулась к чудом уцелевшему под стенами города дереву.

Замерла в оцепенении, пытаюсь отдышаться. Как я могла забыть?!

Уткнулась лбом в шершавую кору, упрямо закусив губу и вдавливая пальцы в ствол в надежде, что саднящая боль в них отгонит призрак, терзающий все тело.

Я не буду кричать! Ни от боли, ни от отчаяния. Ну почему, почему я, способная исцелить дриаду, потерявшую Основу, не могу облегчить собственное состояние? Даже зная, что со мной происходит!

Сосредоточившись на необходимости дойти до дома, я отчаянно сражалась с собственным, отказывающимся повиноваться телом. Никто не обращал на меня внимания. Нет, не совсем так... Никто даже не думал о том, что мне сейчас может быть хуже, чем кому-то из раненых. Хаос давно превратился в упорядоченное мельтешение на грани восприятия, гомон торопливо раскидываемого палаточного лагеря сливался с биением крови в висках. Сохраняя отстраненное, спокойное выражение лица, я попробовала шевельнуться.

Боль потихоньку убывала, сходила на нет, вновь привычно угнездившись где-то в пояснице мерно ноющим комком.

Теперь надо... оторвать от ствола побелевшие пальцы, медленно отстраниться и сделать шаг вперед. И еще один... медленно и осторожно, стараясь не тревожить готовый в любой момент выплеснуться наружу кипящий котел. Прикусив губу, я сделала шаг...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Эрреани – в переводе с древнейшего наречия – живущие во многих мирах, сильнейшие из полубогов. Так что Полукровки – не более чем неприязненная кличка, а никак не обозначение происхождения. – Здесь и далее примеч. авт.

2

Эш-реани – выбранный, избранный (с помощью какого-либо ритуала).

3

Способность к регенерации у эльфов весьма преувеличена, но они все же способны заживлять раны, смертельные для человека, в течение пяти-семи

дней. Со временем рассасываются даже шрамы, требуется где-то от пяти до десяти лет, чтобы исчезли самые крупные. На это они способны без помощи целителя, практически в любой обстановке. С регенерацией утерянных частей тела обстоит сложнее. Это возможно, но лишь в присутствии эльфа – целителя или врачевателя любой другой расы высшего ранга и не позднее трех-четырех суток после утери органа, пока рана полностью не зарубцевалась. В прочих случаях восстановить утерянное категорически невозможно. Такие случаи чаще заканчиваются самоубийством, психика долгоживущего существа не выдерживает пресса ограниченных возможностей. Именно это, а не потрясающая регенерация является причиной малого количества калек среди эльфов. И все же распространенные легенды повествуют почему-то именно об этих в целом: замечательных существах, как о самых живучих. Те же орки проявляют не менее сильные способности...

4

То, что политика – дело грязное, подлое и совершенно не соотносимое с содержанием рыцарских романов, которые положено читать благородным девицам, я подозревала давно, но окончательно мои иллюзии развеялись в тот день, когда на охоте меня сбросила норовистая лошадка. До этой злосчастной прогулки я считала, что жизнь не так уж плоха. Мне исполнилось пятнадцать лет, да еще мне оказал высочайшее внимание наследник престола. Проще говоря, он самым наглым способом соблазнил меня, и неподобающим незамужним леди делом мы занимались именно в день моего рождения.

В защиту принца следует сказать, что я ни капли не ломалась, а скорее томилась нереализованным желанием. И любопытством. И мне это понравилось. Всю неделю мы тайком встречались в гроте и предавались... ммм... утехам. Жизнь виделась чередой приятных встреч и страстных объятий. Но на охоте меня сбросила лошадь. И, лежа на ароматных шелковых простынях, я услышала очень интересный разговор.

Ну если совсем честно, я подслушивала. Очнувшись в сумраке дворцовых покоев с гудящей головой и пересохшими, потрескавшимися губами, я не нашла воды. Графин бы пуст, и я легко соскользнула с постели и медленно двинулась по полутемной анфиладе, скользя кончиками пальцев вдоль стены. Неразборчивые

слова привлекли мое внимание, я, вслушиваясь, замерла за пыльной бархатной портьерой. Дословно уже не помню... пусть будет так.

– Жениться он вздумал! На придворной фифочке, и даже несовершеннолетней... когда на днях сговоренная невеста приезжает!

– Но, может, не стоило так радикально... девочка могла пострадать.

– Так этот сопляк уперся... Люблю! Женюсь! И наплевать на политику! И что ты переживаешь? Ничего с соплячкой твоей не случится, полежит дней десять... пока свадьбу сыграем. И наследничек рыпаться не будет, опасаясь за жизнь своей красавицы. А за ней ты присмотри. Если начнет мешать, не посмотрю, что внучка, родная кровь.

Не помню, как оказалась в постели. Сидя под балдахинном, теребила косу. Думала. Надо же... жениться вздумал! На мне! Глупец! И моего согласия не спросил, наверняка посчитав за великую честь, и пренебрег династическими обязанностями! И почему я не радовалась? Потому что из-за этого желания, пусть и греющего приятно душу, могло случиться... Я передернулась. Не будь под копытами лошади мягкой, рыхлой земли, сломала бы шею!

Глупец!

А мне... придется обезопасить себя. Как? И от чего? Ну от особого внимания дедушки-короля. Особым потрясением его слова для меня не были. Ведь придворные что шакалы, всегда готовы наброситься на неудачника, так чем же самый высокородный лорд лучше? Но чтоб самой оказаться вроде песчинки на жерновах политики? Брр... Никому не желаю.

– Милочка, что ж ты сидишь? – всплеснула руками, с тревогой заглядывая в мои невидящие глаза, вошедшая сиделка.

– Пить... хочу, – с задержкой пробормотала я.

– С тобой все в порядке? – пощупав шишку на затылке, пробормотала она.

В порядке, не в порядке... А это идея!

– Голова... болит. – Я закатила глаза.

Провалившись в горячке три дня, я пропустила пышную свадьбу и выработала новую стратегию выживания.

Играть в политику – бесперспективное занятие. А вот играть политиками... в постели – вполне возможно. Пара невзначай брошенных во время флирта фраз, глупая болтовня в объятиях очередного любовника. Внимание к деталям и слухи, слухи, чужие и собственноручно запущенные в оборот.

Старший конюх, подпоивший мою лошадь особым отваром, был уволен с позором. Один граф, пытавшийся подвигнуть дедушку на крайние меры, отправился в опалу. Наследник был обсмеян толпой молодых любопытных фрейлин.

А мне понравились... мужчины и игры. Некие изменения в поведении были списаны врачами на сотрясение мозга в результате несчастного случая...

Однажды, лениво прошептав пару фраз на ухо одному камергеру, я спасла от виселицы невинного... а, подарив ночь тайному советнику, случайно помогла пережить покушение молоденькому наследнику больших имений. Но это лирика. Поговорим о мужчинах. (Из записок придворной куртизанки.)

5

Почему-то человеческая наука упорно делит эльфов (или ael'lvii) на светлых и темных, по оттенку кожи. Хотя правильнее было бы использовать для классификации кланов природные магические способности, которыми в той или иной степени наделены все эльфы. По той самой легендарной магии.

Следуя этой куда более логичной классификации, светлых следует именовать лесными, ибо их сфера – магия земли и жизни. Они прекрасно обращаются с любыми растениями, дающими после их уговоров по два урожая в год. Им подчиняются духи любых лесов, рощ и полей. Прекрасно ладят с дриадами. Обитают, естественно, под сенью деревьев. А конкретно, в местах

произрастания Великого восточного леса.

Темные кланы состоят из трех немногочисленных родов. Горных, речных и степных. Первые предпочитают работать с камнем и металлом, подчиняя стихии воздуха и огонь. Причем заклётые ими мечи, особенно гномьейковки, практически несокрушимы. Кстати, они прекрасно ладят с подгорными коротышками, несмотря на многочисленные слухи об их непроходящей вражде. Из особо одаренных представителей родов выходят боевые маги немыслимой по человеческим меркам мощи.

Степные кланы практически исчезли с лица мира, но перед этим, смешав свою кровь с дриадской, породили новую расу – бич Харрии и Тирланда – орков. Свое умение ориентироваться в степи и пустыне, укротить или подчинить любого хищника передали они своим потомкам. Встречающиеся изредка одиночки – лучшие охотники, следопыты и воры.

Речные кланы также малочисленны и предпочитают селиться у рек и озер, прекрасно находят общий язык со всеми речными и морскими тварями. Даже с драконами воды. Работают со стихией воды и иногда – воздуха. Встречаются прекрасные маги-погодники. Малая их численность объясняется очень просто – многочисленными проигранными войнами в прошлом.

В целом следует сказать, что эльфы – долгоживущие существа, по продолжительности жизни сравнимые с драконами. Все без исключения – мощные проецирующие эмпаты (с возрастом возможно развитие этой способности до двусторонней управляемости), с отличной реакцией и выдающимися способностями к регенерации. В боевом трансе воин способен положить до полусотни солдат-людей.

Рейлен-хи – дракон Воды.

Единственный за всю многовековую историю эльфийских кланов некромант. Изгой и отступник, более пятисот лет назад покинувший Лес, дабы никто не смел мешать ему... Замучивший не одну сотню разумных существ ради обладания призрачным могуществом смерти.

Купить: https://tellnovel.com/alekseeva_yana/princessy-ognennogo-mira

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)